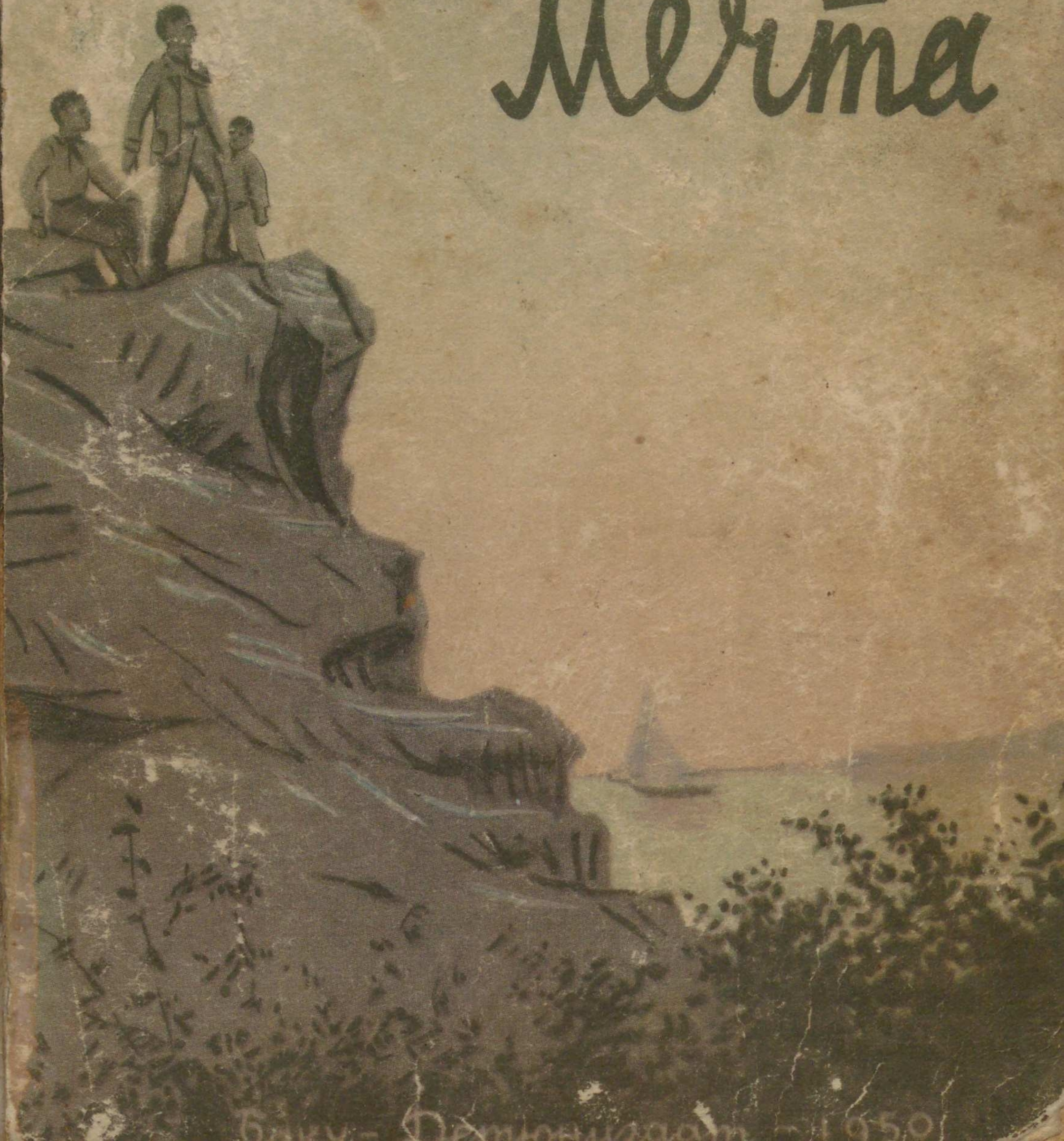

М. РЗАКУЛИЗАДЕ

Мечта

М. РЗАКУЛИЗАДЕ

Ср. с(Азәрәд)
Р 48

ср. 2015

М Е Ч Т А

БИБЛИОТЕКА
им. М. Горького
№ 1090
Русский отдел

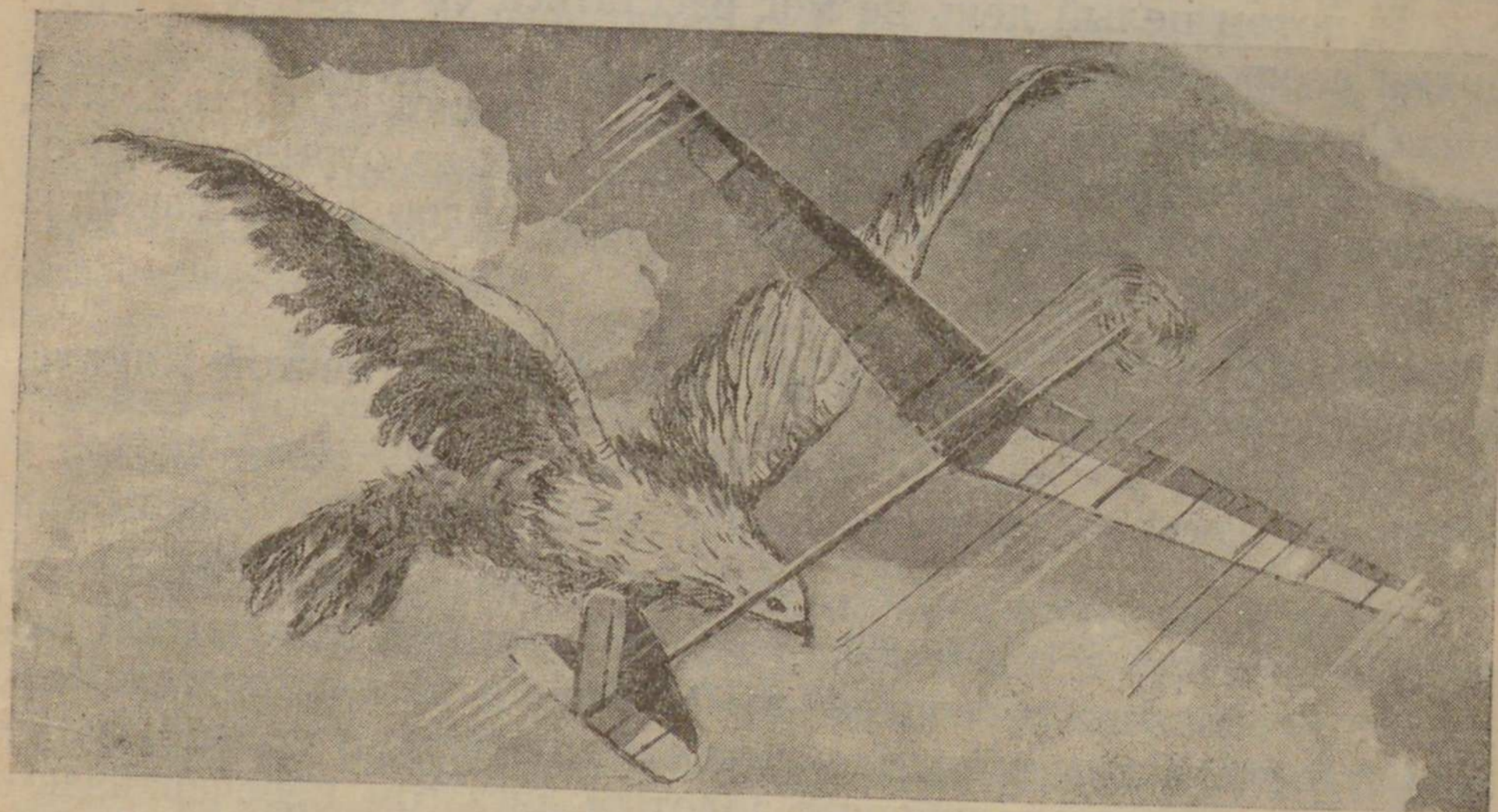
19642
ПРОВЕРЕНО

Şahər rayonu
№
Azərbaycan Şəvəsi
M. Qorki ad. Kitabxana

Азербайджанская
Государственная
Республиканская
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
№ 28308

Азербайджанское
Издательство Детской и Юношеской Литературы
Баку — 1950

P

СОКОЛ

Кямал очень любил, когда бабушка рассказывала сказки. Когда ему было шесть лет, он не засыпал, пока бабушка не расскажет ему какую-нибудь сказку. В них говорилось о том, как люди летают на чудесных коврах-самолётах, как волшебные птицы на своих крыльях переносят героев из края в край в мгновение ока. И какими были все эти герои! Храбрыми, мужественными, стойкими. Никто из них не успокаивался до тех пор, пока не достигал желанного. Они сражались с дивами и драконами, схватываясь с ними врукопашную, преодолевали всякие преграды...

Кямал заслушивался этими сказками и часто во сне видел себя таким же удивительным героем. Он нёсся на крыльях Зумруд-птицы, побеждал дивов и драконов.

И потом целый день не мог расстаться со странными видениями своих снов.

Село, где жил Кямал, находилось у подножья горы Кяпаз, покрытой вечным снегом. Целыми часами он не отрывал глаз от снежных вершин и с завистью смотрел на орлов, гордо парящих в безоблачной лазури.

— Если бы и мне такие крылья!..

Это было самой давней и самой заветной мечтой Кямала.

**

Кямал был умен и настойчив. Он всегда умел добиться ответа на всё, что его занимало, всегда достигал намеченной цели. Он бесконечно расспрашивал бабушку и мать о коврах-самолётах, о сказочных птицах, о дивах и драконах, о солнце, луне, звёздах и молнии, голубовато-золотым зигзагом перечеркивающей небо. Но не всегда он оставался доволен их ответами.

Отец Кямала—Рашид был командиром Красной Армии. Както, разговаривая с отцом, Кямал задал вопрос, давно уже не дававший ему покоя:

— Папа, почему люди не могут летать, почему у них нет крыльев?

— Есть, сынок,—улыбнулся отец. И, ласково поглаживая его по голове, просто и занимательно рассказал о самолётах...

**

Проснувшись однажды утром, Кямал, по своему всегдашнему обыкновению, поднялся на холм, который высился неподалёку от их дома. Оттуда он оглядывал окрестность—зелёный бархат бескрайних равнин, густые леса, реки, извивающиеся серебряными лентами. Густой туман поднимался из ущелий и таил в прозрачной голубизне неба.

В ясной вышине кружилась стая орлов, широко распластавших могучие крылья.

Вдруг с поля, расположенного рядом с военным лагерем, донёсся сильный подрагивающий гул. Он всё рос, и Кямал увидел множество самолётов, один за другим поднимавшихся в высь. Стая орлов мгновенно рассеялась. И вместо них, только гораздо выше, реяли самолёты, то описывая крутые петли, то штопором падая вниз, сотрясая воздух рёвом, и снова, точно ракеты, устремляясь в вышину.

Потом все самолёты, как журавлиная стая, вытянулись стройным косяком. От каждого из них отрывались белые точки и падали вниз. Чем больше они приближались к земле, тем яснее можно было разглядеть людей, висящих на огромных полосатых зонтах.

Это было так красиво, так удивительно и увлекательно, как никогда даже и не снилось Кямалу.

Один из парашютистов приземлялся шагах в двухстах от холма, на котором стоял Кямал. Мальчик стремглав сорвался с места и добежал, когда ноги парашютиста коснулись густой травы.

Парашютист оказался молодым смуглым красноармейцем. Улыбаясь, он начал складывать парашют и подошёл к Кямалу, который, как зачарованный, во все глаза смотрел на него.

Красноармеец потрепал Кямала по щеке, словно стараясь пробудить его от сна, и ласково сказал:

— Что, и ты хочешь быть лётчиком?

Кямал, действительно, точно очнувшись, бросился к нему и, с неожиданной смелостью обняв за шею, крикнул от всей полноты захватившего его чувства:

— Да, буду, непременно буду!

С этого дня ковры-самолёты, чудесные златокрылые птицы, сказочные герои сменились в мечтах Кямала стальными птицами, парящими выше орлов, разноцветными парашютами, раскрывающимися как гигантские одуванчики, и молодыми лётчиками, покрытыми тёмной бронзой загара.

Наступила снежная зима с трескучими морозами. Зима имеет свою прелесть. Холмы и равнины покрыты, словно ватой, пушистобелым снежным покровом. Ветви деревьев клонятся под тяжестью снега, остановились скованные стужей реки. Порою холодные лучи солнца прорывались сквозь облака, и тогда всё вокруг сверкало алмазами, слепя глаза. Непередаваемо хороши хлопья снега, неторопливо опускающиеся на мёрзлую землю и приятно похрустывающие под ногами. Ласково пощипывает щеки мороз.

Ленивые дети не торопятся утром вылезти из-под тёплого одеяла. Нехотя встав, они идут в школу, а вернувшись, ложатся на боковую возле очага и говорят: «Накормите посытнее, укройте потеплее».

Кямал был не из таких. Он вставал раньше всех в доме, разламывал лёд, которым был покрыт маленький ручеёк во дворе, наполнял водой рукомойник и, умывшись, уходил в школу. После уроков, вместе с такими же, как и он, сорванцами, Кямал катался на санках с холма за деревней.

Он смастерил для себя прекрасные санки: по бокам были прибиты, как у самолёта, два крыла из фанеры.

Огромное удовольствие доставляло Кямалу, когда санки стремительно проносились по скату и, съехав с уступа, на мгновение отрывались от земли и летели, как птица, по воздуху, пока снова не достигали покато́й поверхности холма.

По примеру Кямала все его товарищи тоже приделали крылья к своим санкам.

Так Кямал организовал первый отряд «лётчиков».

В эти дни его отец получил отпуск и приехал в родное село. Он привёз в подарок сыну игрушечный самолёт.

Маленькая машина гудела, точно настоящая, отрывалась от земли и, сделав несколько кругов вокруг железного шеста, к которому она была прикреплена проволокой, снова опускалась.

Кямал созывал всех своих приятелей, часами заводил иг-

рушечный самолёт, восторженно рассказывая о лётчиках, о том, что он слышал от отца.

Как-то вечером Кямал увидел, что отец собирается на охоту,—он чистил ружьё и набивал патроны.

— Папа, а меня ты возьмёшь с собой?—спросил Кямал.

Отец сперва не соглашался:

— Сейчас зима, холодище, ты ещё простудишься да и устанешь, я ведь пойду далеко.

— Нет, папа,—не унимался Кямал,—я не из тех, кто боится холода и устаёт в пути. Возьми меня с собой, вот увидишь, я пригожусь тебе.

В конце концов отец согласился.

Но на следующее утро, встав спозаранку и увидев, как сладко спит Кямал, пожалел разбудить сына и ушёл один.

Когда Кямал проснулся и узнал, что отец ушёл на охоту один. Он очень огорчился. Все утешения и уговоры матери были напрасны.

Кямал был в большей обиде на себя, чем на отца. «Ну почему я проспал?»—упрекал он себя.

Через несколько дней, когда отец снова собрался на охоту, Кямал заручился обещанием отца непременно взять его с собой. Он решил не спать всю ночь.

Все в доме заснули, а Кямал лежал в постели, не смыкая глаз. Иногда дремота одолевала его. Но он вспомнил сказку о Меликмамед, который, чтобы не заснуть, отрезал мизинец и посыпал рану солью...

Но это средство не понравилось Кямалу. «Нет, наверно, Меликмамед не имел силы бороться со сном,—подумал он,—если ему пришлось отрезать палец... Я и мизинец не отрежу, и не усну!».

Размышляя о Меликмамед, об охоте, о самолётах, Кямал ворочался с боку на бок. Порою сон смежал его веки, но он сейчас же встряхивался и то и дело поглядывал к окну—не рассветело ли.

Запели петухи.

Кямал вскочил, оделся и перекинул через плечо сумку, приготовленную ещё с вечера.

Отец застал его уже готовым в путь. Смеясь, он похлопал мальчика по плечу и сказал:

— Вот теперь всё, как следует. Пойдём.

Этот день был самым счастливым в жизни Кямала. Ему удалось победить сон...

**

Настала пора цветов. Прохладное и душистое дыхание весны, щебетанье птиц, влюбленных в солнце, разноцветные бабочки, чудесное весеннее раздолье радовали сердце. В одно такое прекрасное утро всё население города стекло на поляну, которая издавна славилась как красивейшее место.

Автобусы, трамваи, машины, устланные коврами, переполненные смеющейся молодежью, стариками и детьми, направлялись туда. Когда-то еще деда приезжали сюда погулять. Зрители тогда рассаживались на лужайке и смотрели, как боролись храбрецы, состязаясь в силе и ловкости. Здесь также устраивались скачки.

И сейчас здесь проходили состязания. Школьники, девочки и мальчики, готовились соревноваться, сдавать нормы на значок «Готов к труду и обороне».

Дежурные с красными повязками на руках указывали места гостям, рассаживая всех в строгом порядке. Зрители и участники соревнований образовали полукруг, в центре которого был поставлен стол. За ним сидели судьи и руководители соревнований.

Соревнования начались точно в назначенное время; проворные и ловкие школьники показывали свои достижения в беге, прыжках, преодолении препятствий, метании диска и стрельбе в цель. Но в сегодняшнем спортивном празднике была ещё одна, особенно интересная часть. Впервые на празднике выступали со своими моделями юные авиамodelисты.

Главный судья взмахнул красным флажком. Оркестр заиграл авиационный марш, и авиамodelисты с поднятыми над головой моделями выстроились в ряд, став на заранее определенные места. Зрители с восхищением смотрели на них, нетерпеливо ожидая полёта моделей.

Среди модельистов был и Кямал. Со страстным нетерпением он ждал этого дня, этой минуты.

Подали знак, и маленькие модели, словно сказочные птицы удивительных цветов, взвились в голубое небо. Когда очередь дошла до Кямала, он выпустил из рук модель, и та, восторженно шиссь, словно живая, и загудев, как настоящий самолёт, взлетела в небо и поднялась выше всех моделей.

На её серебряных крыльях алела звёздочка, а на фюзеляже крупными красными буквами было написано «Сокол». Все глаза были устремлены на неё. Небо было безоблачно, воздух чист и свеж.

И вдруг из груди Кямала и всех зрителей вырвался крик изумления. Паривший в голубой выси, не замеченный никем, орёл, сложив крылья, стрелою бросился на «Сокола». Долетев до него, орёл опять распростёр свои крылья и закружился над моделью. Остановившись на минуту в воздухе, словно подвешенный, и взмахнув затем крыльями, он снова устремился на модель. И опять, долетев до неё, стрелою бросился назад.

Вот властелин неба в третий раз ринулся на прилетевшую в его владения незванную гостью, чтобы растерзать её, но опять у него ничего не получилось. Он привык к тому, чтобы все птицы, на которых он нападал, испуганно улетали прочь. А эта удивительная птица гордо летела вперёд. Это смутило орла, и он отступил, постепенно скрываясь в дали.

Кямал облегчённо вздохнул, как человек, пробуждённый от страшного сна. Через минуту и орёл и «Сокол» исчезли из глаз, улетев в разные стороны.

При объявлении результатов соревнования стало известно, что «Сокол» Кямала завоевал первенство. Он летал выше, быстрее и дальше всех. Авиамodelный кружок их школы завоевал второе место. Кямала наградили грамотой и ручными часами.

Он был счастлив. Его «Сокол» победил орла—властелина неба.

**

Победа Кямала и школьного кружка не была неожиданной случайностью. Эта победа была результатом серьёзного труда на протяжении многих месяцев, настойчивой и кропотливой работы учителей, партийной, комсомольской и пионерской организаций и учкома.

Авиамодельному кружку, организованному Кямалом, помогал учитель физики, знающий и внимательный человек. Первые построенные ребятами модели не только не летали, а даже с места не трогались. У некоторых опускались руки и, охладев к работе, они говорили: «Эх, ничего из этого не выйдет». Тогда учитель подбадривал их, рассказывал о трудностях, с которыми встречались великие изобретатели и учёные.

Кямал радовался своим удачам в учёбе, в кружке, на соревнованиях и гордился ими, но каждый раз, вспоминая о том, как много сделали великие люди—учёные, полководцы, революционеры—для того, чтобы привести человечество к счастливой жизни, он говорил себе: «Вперёд, всегда вперёд!».

**

Среднюю школу Кямал окончил на отлично и задумался о своей будущей профессии. Сидя за письменным столом, он разглядывал разноцветную прозрачную модель самолёта, с любовью сделанную им самим из целлулоида.

Мечта уносила его вдаль, рисуя перед ним картины сказочной действительности.

...Высоко в небе, там, где облака белеют, словно большие комья ваты, виднеется разноцветное прозрачное здание.

Отсюда тянутся бесчисленные невидимые нити во все уголки необъятной Родины. По этим дорогам ежедневно, бесшумно и плавно, пролетают красивые сверкающие самолёты. Они летят

высоко над облаками, в самой стратосфере и, как в сказке, семилетний путь проходят в мгновение ока. Вот очередной самолёт остановился у площадки. Открылись двери. Пассажиры проходят по разрисованному, как ковёр, сверкающему полу и заходят в комнатки, похожие на кабинки лифта. Через несколько минут они выйдут из этих комнаток и разойдутся кому куда надо...

Кямал нажимает на одну из кнопок на столе и на зеркальном экране видит самолёты, идущие из Москвы во Владивосток, Баку, Ташкент, Сталинабад, на Сахалин. Он нажимает на другую кнопку и проверяет самолёты, летящие над Нью-Йорком, Парижем, Токио, переговаривается с лётчиками.

Когда на стене пробили часы, Кямал очнулся от заманчивых грёз. Улыбаясь своим мечтам, он погладил самолётик, как живую птицу, и, отложив его, включил радио:

— Война!..

Кямал не мог понять—во сне он или наяву. Он застыл в оцепенении... Но радио передавало марши, диктор уже читал первые сводки Совинформбюро...

Теперь Кямал думал не о том, что ему делать... Он отлично знал, что для всех таких, как он, здоровых, сильных, ловких, широкоплечих ребят, один путь—итти на фронт.

Он ещё раз бросил взгляд на самолётик на столе и встал. Прошёл к окну. Было свежее июньское утро, какое бывает только в горных местах. Первые солнечные лучи падали на вершину Кяпаза, поднимавшуюся из-за пушистых облаков; и Кяпаз и облака были окрашены в нежно-розовый цвет.

Утренний горный ветерок приносил пьянящий аромат и прохладу. Природа застыла в удивительном молчании.

Соловьи, звонко распевавшие по утрам, сегодня почему-то молчали. Кямал задумчиво смотрел на вершины.

Под розовыми, серебряными и голубыми облаками над вершиной Кяпаза ползло чёрное облако. Это была грозная туча.

И в одно мгновение светлое сияющее утро помрачнело и поблело. Засверкала молния. Поднялся такой грохот, словно небо собиралось упасть на землю. Сначала мелкий, а потом всё

крупнее и крупнее посыпал град, точно хотел уничтожить всё на свете. Но немного погодя, солнце выглянуло из-за туч и ослепительно засверкало. Птицы словно разом обрели язык. И опять небо стало чистым, прозрачным, опять седой Кяпаз гордо возвышался—словно свет мстил мраку.

Расправились нахмуренные брови Кямала. Он невольно улыбнулся: казалось, сама природа отразила всё то, что мысленно проносилось перед его взором.

Мать, заходящая по утрам в его комнату, застала его у окна. Ещё не зная ни о чём, она любящими глазами поглядела на сына и сразу почувствовала, что он чем-то озабочен.

— Что, дитя моё, или молния напугала тебя?—спросила она, и шутливо добавила:—Уж не страх ли так рано поднял тебя?

Кямал, неловко улыбнувшись, молча взглянул в добрые материнские глаза. Мать привыкла, что сын на одну шутку всегда отвечал пятью, не лез за словом в карман, был всегда весел. Увидев его сегодня молчащим, со странной застывшей улыбкой на губах, она долгим взглядом посмотрела на сына, стараясь угадать его мысли.

Выросшая в горах, мать Кямала была смелой женщиной. Муж её—пограничник. Сейчас он находился на самом жарком участке фронта. Сын тоже решил идти туда, на фронт. Как она будет вести себя, когда узнает об этом?..

И когда Кямал сообщил матери страшную весть и о своём решении, она не дрогнула, не стала отговаривать сына.

Только крепко стиснув губы, она закрыла глаза, прижала к груди своего мальчика и благословила его. Вместе с нежным поцелуем матери Кямал почувствовал на щеках две тёплые капли.

Строгий комиссар с тёмными курчавыми волосами, в которые вкрались первые седины, собрал в своём кабинете только что окончивших курсы молодых лётчиков и беседовал с ними.

— Помните о геройской отваге капитана Гастелло! Это отвага нового, советского человека. Ни один фашистский лётчик

не проявил подобного мужества и никогда не проявит. Фашизм превратил его в безинициативного раба. А наши люди—хозяева своей родины, своей свободы.

Потом комиссар стал беседовать с каждым лётчиком в отдельности и, как родной и близкий человек, расспрашивал о жизни каждого, желая сблизить эту молодёжь, которая завтра должна была ринуться на врага.

Очередь дошла до Кямала, и комиссар спросил, улыбаясь:

— А ну, дружище, ты моложе всех, кажется, и в детстве авиамоделистом был... Расскажи-ка о случае с «Соколом».

Кямал стал говорить о своём раннем увлечении авиацией, о своих былых мечтах и надеждах, о своих первых дерзаниях. Он рассказал и о том, как гордый орёл повстречался с его «Соколом» и как победила его модель. Этот удивительный случай заинтересовал всех.

— Это происшествие,—сказал комиссар,—не только интересно и удивительно, оно, к тому же, и очень поучительно. Вы только подумайте, почему орёл, этот властелин неба, испугался игрушечного «Сокола»? Потому, что орёл никогда не встречал сопротивления в воздухе. На какую бы птицу он ни нападал, та пугалась, бежала, и орёл, гордый своими победами, становился ещё смелее, терзая свои жертвы. «Сокол» не испугался и не отступил, наоборот, он летел смело навстречу, и тогда сам орёл испугался. Гордая хищная птица была покорена маленьким творением человеческого ума и воли. Знайте, что таковы и фашистские мерзавцы! В небе Европы они тоже считали себя властелинами. А теперь они встретились с советскими лётчиками. И фашистские стервятники будут побеждены красными соколами!

...Кямал вёл наблюдение в воздухе, кружил над аэродромом, не спуская с неба зорких глаз. Вдруг над самой головой он увидел чёрную точку и тут же потерял её из виду. Когда, набрав высоту, он пошёл на поиски, то заметил, что сзади на него стремительно летел вражеский самолёт. Кямал приготовил-

ся к бою. Вой вражеского самолёта усилился, и Кямал ясно увидел чёрного немецкого стервятника с нарисованными на борту черепом над перекрещёнными костями, свастикой и орлом, разинувшим клюв.

На аэродроме была поднята тревога. Комиссар вышел на наблюдательный пункт и, увидев в бинокль фашистского стервятника, стиснул от волнения зубы. Тревога и опасения закалённого в боях и хладнокровного комиссара были не напрасны. Он отлично знал повадки этого стервятника.

Озверевший враг послал сюда этого опытного и хитрого асса, чтобы узнать расположение аэродрома, который причинял немцам так много хлопот. Распоясавшийся наглец летел над самой землёй, стремясь, чтобы по нему открыли огонь, либо поднялись самолёты, чтобы вступить с ними в бой, и тогда он обнаружил бы аэродром. Хотя это ему и не удавалось, но, видимо, он чувствовал что-то и не даром вот уже несколько раз кружился над этим местом. Фашистский самолёт был неуязвим для обыкновенных пуль. А лётчик, несомненно, был первоклассным ассом. Нападая с головокружительной скоростью, он приводил в смятение противника и, открыв огонь, мгновенно исчезал.

Если бы сейчас в воздухе был опытный и умелый лётчик, комиссар так не взволновался бы, но Кямал...

Кямал повернул самолёт и решил встретиться лицом к лицу со стервятником. Но руки и ноги плохо повиновались ему. Инстинкт самосохранения уводил его от смертельной опасности.

А разве не было с ним то же самое, когда он впервые прыгал с парашютом? Но ведь он давно уже переборол в себе эту оторопь и потом сам посмеивался над былыми страхами.

И вот Кямал решительно потянул на себя ручку и с неожиданной скоростью, описав петлю, направил свой самолёт прямо в лоб противнику. Теперь оба лётчика со стремительной быстротой шли друг на друга. Если один из них не свернёт—они разобьются вдребезги.

Фашистский лётчик с хладнокровием, присущим палачам и убийцам, не спешил открывать огонь. Он мечтал получить двойное удовольствие, испугав врага и сбив его затем с хвоста. Кя-

мал мгновенно вспомнил встречу орла с «Соколом», вспомнил недавние слова комиссара и, собрав всю силу воли и мужество, тоже не открывал огня. Он решил во что бы то ни стало победить противника морально.

Наблюдающие увидели снизу, как два самолёта, стремительно летевшие один навстречу другому, вдруг окутались чёрным дымом и огнём. Из груди наблюдавших вырвался возглас сожаления и горечи... Но это длилось всего лишь секунду.

Самолёт Кямала взмыл в высь, а чёрный фашистский стервятник, объятый дымом и пламенем, падал на землю. Вскоре от него отделилась белая точка. Это был фашистский летчик, спускавшийся на парашюте. Кямал, кружась над парашютом, проводил его до земли. Увидев, что на земле незваного гостя, как и следовало, встретили наши автоматчики, он вновь поднялся в воздух и продолжал вести наблюдение, словно ничего и не произошло.

**

Комиссар удивился при виде доставленного к нему «гостя». Это был фашистский полковник сорока пяти—пятидесяти лет, широкоплечий, полный, с обрюзгшим лицом, с мешками под покрасневшими глазами, с подстриженными ёжиком рыжими волосами.

Глаза его блестели испуганно, как у волка, попавшего в капкан. Руки и губы дрожали от злости, на щеке подёргивался мускул. Видимо, чересчур надеясь на себя и на свой самолёт, фашистский полковник не снял с себя перед полётом не только знаков различия, но и орденов и медалей, которыми была увешана вся его грудь.

Комиссар молчал, выжидая, и не заговаривал с пленником. Немец не вынес молчания и заговорил первый:

— Я пролетел над всей Европой от Варшавы до Парижа, от Тираны до Лондона, участвовал в сотнях боёв, я сбил десятки самолётов... Ещё не было случая, чтобы кто-нибудь устоял бы передо мною, и не была отлита пуля для моего самолёта...—

хвастливо говорил он, стараясь как-нибудь скрасить своё поражение.—Не может быть! Наверно, этот лётчик бывалый английский воздушный волк... Наверно, у вас есть какое-то тайное оружие...

Комиссар, улыбаясь, молчал. Немец, как можно вежливее, спросил комиссара:

— Я прошу вас, ради бога, не откажите. В политике я ничего не понимаю. Я человек спорта. А ведь битва, хоть и кровавое дело,—но это тоже спорт, приносящий удовольствие. Я хочу знать, кто мой соперник, что за тайное оружие у вас?..

Комиссар усмехнулся:

— Слов нет, хороший спорт... Прелести этого спорта скоро увидит фашистская Германия. И тогда вы поймёте, какая разница между боксёрской перчаткой и миной, между футбольным мячом и десятитонной бомбой!.. А что касается вашего соперника и тайного оружия, то я могу показать вам их.

Комиссар посмотрел на часы, нажал кнопку и приказал вошедшему дневальному вызвать Кямала. Когда вошёл Кямал, комиссар прижал его к груди и поцеловал в лоб.

Указав на застывшего в недоумении немца, он сказал:

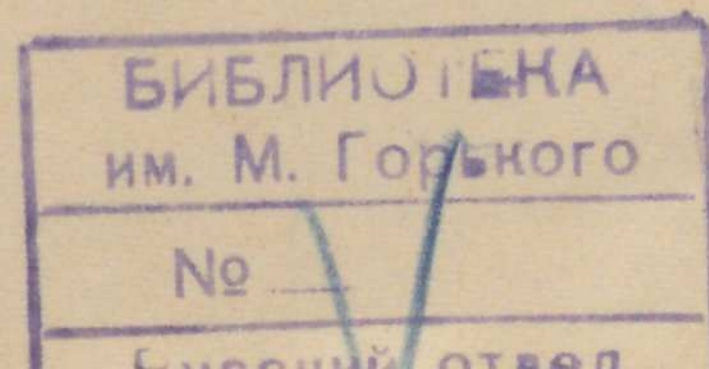
— Посмотри на стервятника, которого ты сбил.—И добавил, обращаясь к немцу:

— Вот ваш соперник.

Тупо поглядев на юношу восемнадцати-девятнадцати лет и услышав слова комиссара, немец вдруг издал отвратительный крик, похожий на карканье ворона, схватился обеими руками за голову и стал в исступлении кусать губы.

Он ожидал увидеть перед собою бывалого волка, подобного себе, страстного «кровавого спортсмена». А увидев юнца, у которого ещё «молоко на губах не обсохло», взбесился от злобы.

Кямал понял, что творилось в душе фашиста, и с насмешливой вежливостью, показав на графин с водой, сказал по-немецки:

— Выпейте, пожалуйста, холодной воды!

— А что касается нашего оружия,—добавил комиссар с гордостью,—то вы на себе испытали его силу, а имя ему, если хотите знать,—большевистская воля!

МЕЧТА

В лагерь уже приехало очень много пионеров. Русские, азербайджанцы, армяне, украинцы, прибывшие из разных городов, быстро перезнакомились друг с другом.

Сегодня в лагере было особенное оживление, и всё выглядело по-праздничному. Наступил долгожданный день. Лагерь был расположен на берегу моря, и моряки подарили пионерам парусное судно. Сегодня по случаю праздника морского флота ребята впервые должны были выйти на морскую прогулку. В лагере был также организован морской кружок. Любители могли изучать морское дело.

Айдын записался в этот кружок. Вся их семья, дед и отец, были моряками. А его товарищ и лучший друг Серёжа предпочёл авиационный кружок. Он хотел стать в будущем лётчиком.

Хотя Айдын и Серёжа и были закадычными друзьями, но когда дело доходило до выбора профессии, всегда между ними разгорался спор. Каждый из них расхваливал свой выбор и пытался доказать его преимущество.

Праздник морского флота и предстоящая прогулка по морю радовали всех. Разговорам не было конца. Айдын считал этот день днём своего торжества и поэтому особенно много разглагольствовал, желая показать Серёже, как тот проиграл.

Айдын, Серёжа, Светлана и ещё несколько пионеров стояли в одной из аллей, ведущей к морю, и любовались видом, растянувшимся перед ними.

Айдын радостно говорил, показывая ребятам на судно:

— Ребята, вы только посмотрите, какое красивое судно! И мой дед тоже...

— Да, да, знаем,— перебил Серёжа, желая смутить его,— и дед твой был моряком, и отец. И сам ты будешь моряком...

Айдын захотел ответить на неожиданную реплику своего друга, но Серёжа не дал ему рта открыться и, чтобы раззадорить его ещё больше, насмешливо повторил его слова:

— «Волны, как горы, горы, как волны»...— Ну и что же из этого?— рассмеялся он.

Айдын не смутился и уверенно продолжал:

— Как, то-есть, что же из этого? А как Христофор Колумб открыл Америку? А как великий русский путешественник Седов добирался до полюса? А челюскинцы!

Ленинградская пионерка Светлана вмешалась в спор:

— Правда, правда. И мой отец— капитан военного корабля. Он говорит, что для обороны страны флот так же важен, как и армия.

Обрадованный Айдын продолжал, воодушевившись ещё больше:

— Ну, ясно!.. И я тоже буду моряком. Я буду пересекать моря без конца и края, открывать дороги в дальние страны. Злые ветры, дикие волны, бури, штормы— всё покорится мне!

Серёжа не нашёлся, что ответить на эти слова, но всё-таки упрямо спорил:

— А я буду лётчиком... Я буду подниматься ввысь сквозь облака и туманы, перелечу высочайшие горы,— и, обернувшись к Айдыну, добавил:

— Путь, который ты пройдёшь за месяц, я пролечу в один день. Конечно, лётчиком быть лучше!

— И вовсе нет, моряком лучше,— возразил Айдын,— самолёт в одно мгновение сделает «фыррр» и исчезнет из глаз, а корабль плывёт спокойно, медленно, берёт десятки тысяч тонн груза, перевозит тысячи людей... Конечно, моряком быть лучше.

После того как иссяк запас всех доводов, они стали кричать друг на друга.

— Нет, лётчиком лучше!

— Нет, моряком!

Светлана, видя, как они горячатся всё больше и больше и не слушают друг друга, пыталась успокоить мальчиков:

— Постойте, постойте, не кричите попусту. Вон идёт вожатая. Позовем её и спросим.

— Позовём!— крикнули в один голос Айдын и Серёжа.— Спросим!

Старшая пионервожатая Севиндж, услышав спор ребят, подошла к ним.

— Ребята, о чём вы спорите?

Айдын и Серёжа, перебивая друг друга, заговорили разом:

— Что лучше— моряк или лётчик?

Севиндж, издавна привыкшая к подобным спорам пионеров и школьников, знала, что эти споры не пустое дело. Они очень полезны. Они расширяют кругозор детей, пополняют их знания. В таких случаях она и другие вожатые помогали ребятам, направляя их споры по верному пути. И сейчас, воспользовавшись случаем, Севиндж решила поговорить с ребятами.

— Не волнуйтесь, сейчас разрешим ваш спор,— сказала она с улыбкой, обращаясь к Серёже и Айдыну.

Ребята, зная как интересно рассказывает Севиндж, быстро подходили со всех сторон. Севиндж рассказала им о споре между Айдыном и Серёжей и спросила одного из них:

— Скажи-ка, кем ты будешь?

— Я—инженером,—гордо ответил мальчик.—Я буду строить красивые дома, мраморные дворцы, заложу новые города.

Севиндж спросила у нескольких ребят, кем они собираются стать. Один мечтал быть агрономом, чтобы дать нашей необъятной родине обильный урожай и покрыть все уголки её зелёными садами. Другой думал стать поэтом, чтобы воспеть в стихах знатных героев родины. Третий мечтал быть учителем, а четвертый—художником. Севиндж с радостью выслушивала их, поддерживая каждого, а потом, обращаясь ко всем, сказала:

— Ну-ка ответьте, ребята, какая же профессия самая лучшая.

— Агроном!

— Поэт!

— Учитель!

— Инженер!

— Художник!

— Лётчик!

раздались звонкие голоса.

Севиндж со смехом подняла руку, успокоила самых шумливых и, открыв большую книгу, бывшую у неё в руке, показала на портрет на первой странице:

— Кто это?—спросила она.

— Маяковский!—хором ответили ребята.

— Вы любите его?

— Конечно, конечно!

— А если так, давайте спросим у Маяковского, какая профессия лучше?—сказала Севиндж и громко прочитала:

— Книгу переверошив,
Намотай себе на ус —
все работы хороши,
выбирай
на вкус!

Потом, обращаясь к ребятам, сказала:

— Ну, а теперь давайте, ребята, вместе ответим, какая профессия самая лучшая.

И по знаку Севиндж ребята весело крикнули в один голос:

— Все работы хороши,
выбирай
на вкус!

— Правильно,—ответила довольная Севиндж и вдруг заметила мальчика, который стоял в стороне и не вмешивался в разговор. Желая развеселить малыша, она спросила:

— Фернандо! А почему ты молчишь? Ведь ты не сказал нам, кем хочешь быть?

Фернандо очнулся от своих дум и немного растерялся.

— Я? Я...—он глубоко вздохнул и твёрдо сказал:—Я буду революционером, революционером! Моя родная Испания в плену у фашистов. Отец мой был рабочим, его расстреляли; мать моя была учительницей—она в тюрьме. Там и взрослые и дети—все пленные... Там никто не хозяин своего будущего. Это большая, но тёмная тюрьма.

Фернандо ещё раз глубоко вздохнул и добавил дрожащим, взволнованным голосом:

— Какие вы счастливые, мои братья и сестры. Какие вы счастливые!

Севиндж обняла Фернандо и сказала ребятам:

— Фернандо прав, ребята, мы очень счастливы. Наша страна свободна, народы счастливы. Каждый из нас будет завтра специалистом и сделает нашу родину ещё богаче и сильнее. Мы построим мир ещё краше того, о котором мечтали наши деды и предки в своих сказках. Этот мир нам указал дедушка Ленин, к этому миру нас ведёт наш отец Сталин.

Дети радостно слушали её.

Затем она повернулась к Фернандо и добавила:

— Дорогой наш брат, наша родина—твоя родина! Наша страна—солнце свободы для народов всего мира. Свет и тьма не могут быть вместе. Настанет день, когда солнце осветит и твою родину, и весь мир!

РАНЕННЫЙ ГОЛУБЬ

Весною и осенью погода часто меняется. Смотришь—сегодня ясный день, воздух душист и свеж, а завтра—пасмурно, ветрено и небо хмурится. День не похож на день, в течение суток погода меняется не раз. Безоблачное, ясное, прозрачное голубое небо вдруг темнеет, мгновенно поднявшийся ветер гонит тучи.

То целыми часами моросит мелкий, нагоняющий тоску дождь, то вдруг разразится ливень, словно желая затопить весь мир. Он нагрянет внезапно, вместе с громом и молниями—и прекращается так же неожиданно, как и начался, успев промочить до нитки нерасторопных прохожих.

Потом солнышко вновь выглянет из-за поредевших туч и весело смеётся, как шалун, любующийся своими проказами.

Был один из таких изменчивых весенних дней. До полудня стояла ясная, хорошая погода.

Красные маки, свежая зелень лугов, деревья в цвету радовали глаз. Песни турачей, перепелов, жаворонков, слившись в единый хор, создавали гармонию и очаровывали как чудеснейшая музыка.

А горы, ушедшие ввысь своими снежными вершинами, со склонами, устланными темнозелёным бархатом, казались близкими,—словно до них рукой подать.

И при взгляде на эти безбрежные просторы, тополя, белые домики с красными крышами, виднеющиеся из-за фруктовых деревьев, громадные заводы, дымящие трубами в голубое небо, пассажирские и товарные поезда, мелькающие по железобетонным мостам, среброкрылые самолёты, сверкающие в небе,—сердце наполнялось гордостью, лица сияли, и опять оживала в памяти знаменитая советская песня:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...

Но, к сожалению, у этой громадной свободной страны есть границы. И к вечеру мы дошли до одной из её границ, до берега Аракса.

Заход солнца был прекрасен.

Поэты и художники описывали сотни закатов. И точно так же, как их описания не похожи одно на другое, так и этот закат не был похож ни на один. Очевидно, природа не любит повторений. Каждая заря, и утренняя и вечерняя, имеет свою неповторимую прелесть. И поэты, не удовлетворяясь предыдущими описаниями, вкладывают свои чувства в описание картин, которые они видят сами.

Аракс, легендарный Аракс, из которого пили воду кони героя Вараза, смелого Джаваншира, храброго Бабека, Гачага-Наби* освещается с этого берега алыми лучами. К середине река

* Легендарные народные герои.

блестит серебром, а дальше темнотальной цвет её постепенно чернеет, и противоположный берег исчезает во мраке.

Словно от середины реки к самому небу поднимается занавес мрака. Он упирается в облака и облака кажутся громадными перевёрнутыми кострами.

Пламенеет закат над Араксом, становится всё более ярким, потом кроваво багровеет и, наконец, делается тёмнолиловым, а затем густая серая мгла окутывает границу.

Из мрака стаями летят журавли. Курлыча, они устремляются к нашему берегу и улетают в розовые дали. Кто знает, сколько сегодняшних Видади и Вагифов с того берега поручили им:

— Советской земле

Принесите нашу весточку, журавли!...

Темнеет всё больше и больше. Огни, вспыхивающие на земле, как бы отражаются в небесной дали в виде звёзд. На горизонте ещё алеет заря, а на той стороне за прозрачной занавесью тоже загораются огоньки. Они похожи на сверкающие искорки костра, который стараются потушить, притаптывая огонь. Но тщетно. Искорки эти не гаснут. Они могут мгновенно превратиться в пылающий вулкан.

Ночь я провел на границе в доме молодого учителя. Он был сыном батрака, не имевшего в прошлом ни дома, ни очага, и батрачившего в этой же деревне в садах и огородах. Он не видел отца и рос у матери. Поступил в школу и заслужил любовь сельчан своими способностями и трудолюбием. Потом вступил в комсомол и с его помощью закончил педагогическое училище. Но вместо того чтобы вернуться в родное село на работу, юноша был вынужден уйти на фронт, чтобы проучить «культурных» волков. Сейчас на нём был китель без погон, который ловко сидел на худощавой фигуре и очень шёл к его открытому взгляду, приподнятым на концах и сросшимся тонким бровям, усикам и чёрным густым волосам, зачёсанным за уши. Два ряда орденских колодок и красный значок комсомола служили как бы эпиграфом к его биографии.

Мы беседовали весь вечер, почувствовав друг к другу большое расположение. Он любил своё дело глубоко и сильно, как это свойственно всей советской молодёжи, и с увлечением рассказывал о нём.

— Однажды, учась в Баку,—говорил он,—я слушал лекцию старого профессора. Это было задолго до войны. Профессор рассказывал о новом тайном оружии империалистов—о ядовитых газах, смертоносных микробах и других ужасных средствах уничтожения. Профессор говорил: «Они употребляют еще и такое средство, от которого слепнут на некоторое время, а иногда и на всю жизнь. Но у нас есть отличное средство против них: это оружие, открывающее глаза, показывающее людям истину. Имя ему—ленинизм. Перед этим оружием все остальные бессильны».

Та убедительность и вера, с которой старый профессор произнёс эти слова, произвели на меня огромное впечатление. И тогда моё желание ещё лучше овладеть этим могучим оружием, стать учителем и воспитывать наших детей в духе ленинизма, превратилось во всепоглощающее стремление, и я посвятил ему всего себя...

— Когда я был там,—сказал молодой учитель, показывая рукой на реку,—когда я увидел царившие за Араксом мрак и бесправие, это стремление овладело мною целиком и превратилось в цель моей жизни.

Учитель замолчал, как человек, у которого переполнена душа, а слов нехватает. Он стиснул зубы и в глазах его можно было прочесть многое.

Оглядев стены комнаты, он стал смотреть в одну точку. Я взглянул туда же. На стене висели ружьё и саз*.

Еще при входе в комнату я заметил это ружьё и, как любитель охоты, хотел осмотреть его поближе. Но сейчас саз заинтересовал меня больше ружья, потому что глаза моего себе-

* Саз—музыкальный струнный инструмент.

седника были устремлены именно на него. Желая нарушить тягостное молчание, я спросил:

— Вы, кажется, и на сазе играете?

Этот вопрос пришёлся кстати. Эльдар взглянул на меня сквозь слёзы, улыбаясь, как ребёнок. Потом он поднялся, снял саз со стены и, настраивая его, проговорил:

— Это единственная память об отце. У этого саза удивительная история. Отец мой в молодости ходил по деревням на той и на этой стороне Аракса, он батрачил и пел, аккомпанируя себе на сазе. На той стороне реки он полюбил одну из красивых служанок хана, и девушка ответила ему взаимностью. Конечно, хан никогда не дал бы согласия на женитьбу. И вот в один прекрасный день отец похитил и увёз девушку. Слуги хана погнались за ним и ранили его. Этот саз был у него за спиной. Вот видите,—сказал он, показывая на тёмные пятнышки,—это следы его крови. Всё это рассказала мне моя мать...

Эльдар глубоко вздохнул и, устремив взгляд вдаль, заиграл и запел приятным голосом:

Аракс разделили,
Песком напитаи,
От родины силой
Меня оторвали...

В звуках саза, в голосе Эльдара и в глазах его было нечто такое, отчего эта нежная песня вызывала в человеке не печаль и горечь, а веру и надежду на победу в борьбе.

Мне хотелось, чтобы эта песня под чудесную музыку продолжалась без конца, но Эльдар вдруг прервал пение и повесил саз на место, видимо, не желая раскрыть до конца тайну своего сердца. Решив переменить тему разговора, он снял со стены ружьё и присел рядом со мной.

— Значит, утром выходим на охоту. В хорошее время вы приехали, сейчас пора выхода турачей и фазанов.

Откровенно говоря, наша предыдущая беседа и пение Эльдара заставили меня позабыть об охоте. Но я поддержал его попытку переменить разговор.

— Конечно,—сказал я,—солнце припекает их, и они, позабыв всякую осторожность, подают голоса. Но у меня одно условие—будем стрелять только самцов...

**

Несмотря на усталость от ходьбы в течение целого дня, несмотря на чистую и мягкую постель, я никак не мог заснуть. Но не перемена места была причиной этому. Правда, многие не легко засыпают на новом месте, как бы оно покойно ни было. Но человек, привыкший к охоте, не таков. Он может заснуть и в тряской машине, и на открытом воздухе, и на голой земле. Так в чём же дело?

Лампа была потушена, лунный свет, проникая в окна, освещал половину комнаты. В открытые окна врывалось тёплое дуновение ветерка, смешанное с запахами сирени и фруктовых деревьев, доносились ночные соловьиные трели. Соловей, усевшийся на куст роз у самого окна, время от времени заливался песней. Разве можно передать словами её прелесть? Ведь песенку канарейки, рождённой и выросшей в клетке, научившейся в неволе равнодушно издавать свои трели, мы тоже называем красивой. Канарейка не знает, что такое свобода и даже не мечтает о ней, она принимает неволю как должное и слагает свои песни в этой неволе. Разве можно сравнить её песню с песнями вольного соловья!

Что хотел сказать он в этой непередаваемой песне, которую он пел от зари до зари, песне, которая сотрясала его маленькое тельце и, казалось, вырывала по кусочку его сердце?..

Всем известны бесчисленные сказания о розе и соловье. Поэты Запада и Востока написали об этом множество стихов.

Но когда слушаешь песню соловья, забываешь обо всём, и никаким поэтам не веришь.

Что это за песня? Песня любви и тоски по розе? Но разве соловей не сидел на кусте роз, разве цветок не был около него? Если так, то к чему же такие страдания?

Может быть, неразделённая любовь? А как же маленькие соловьята? Разве птенцы, спящие в тёплом, мягком гнездышке—не его дети? Если так, то к чему же эта мука?

Не жажда ли свободы? Но разве эти сады без конца и края, цветистые луга и поляны, изумрудные леса от горизонта до горизонта, эти рощи и долины не принадлежат ему? Если это так, то к чему же эти стенания? Нет, нет, никто не посвящён в тайну этой песни. В этой песне и горечь разлуки, и сладость свидания, и надежды. Соловей, этот крошечный певец, наверно, ничего не знает об этом. И только человек, открывающий своим трудом и волей все тайны природы и объясняющий их, хочет быть владельцем и этой тайны.

И когда я пытался разгадать тайну соловьиной песни, я подумал, что мир разделён надвое—мир счастья и свободы и мир неволи и гнёта... Я был у реки, разделяющей эти два мира, и соловей пролетал в этих местах. Мне казалось, что во время перерывов в песне соловей прислушивался к чему-то на том берегу и от всего сердца отвечал песней надежды. И правда, как много было схожего между песнью, которую совсем недавно пел Эльдар, и трелями соловья!..

Сон охотника очень чуток. Каким бы усталым он ни был, как бы поздно он ни заснул, под действием какой-то подсознательной силы он просыпается тогда, когда задумал с вечера.

Но на этот раз случилось не так. Изумительный закат, который я наблюдал на берегу Аракса, песня Эльдара и пенье соловья заставили меня забыть об охоте. Я заснул только к утру. Это было странное состояние между сном и бодрствованием, когда и сновидения, и действительность, и мечты—всё смешивается. То мерещились чёрные трупы повешенных в той стране мрака, где горизонт окрашен кровавым багрянцем, слышались душераздирающие крики матерей, то казалось, что молнии, сверкающие в чёрнокровавых облаках, зажигали огромный по-

жар. Из пылающих жилищ слышались плач и стоны детей. Стенания матерей перемешивались с криками детей, эти стоны улетали в небеса и, исчезнув в облаках, вновь оживали в песне Эльдара. Горизонт светлел, озарённый ранними лучами весеннего солнца, прозрачные капли воды падали с мраморных скал в зеркальное озеро...

Нет, это уже не мечта и не сон, а жизнь. Да, я не спал. Из окон над цветущими деревьями виднелась моя светлая, чистая, безоблачная Родина. Послышались позывные сигналы включённого с вечера репродуктора:

— Широка страна моя родная!..

Эльдар, думая, что я сплю, на цыпочках прошёл к репродуктору, чтобы выключить его.

— Не трогайте, пусть играет!—остановил я его,— пусть играет, и если есть спящие, пусть этот голос разбудит их!

— Вы проснулись?—спросил он, улыбаясь.—Вы поздно заснули, спали беспокойно, и я думал, что вам ещё не хочется вставать. А я с удовольствием слушаю эти звуки каждое утро,— добавил он.—И где бы я ни был, и в заметённых снегом окопах, и на той стороне Аракса, в стране рабов и господ, каждый раз при этих звуках я чувствовал за собой мою великую свободную Родину. Ведь было время, когда после этих позывных мы слушали приказы Верховного Главнокомандующего, а иногда и его родной голос...

Эльдар глубоко вздохнул. Сердце его было переполнено, он хотел сказать ещё что-то, но заговорил о другом:

— Ну ладно, охотнику надо быть на охоте... Перекусим немного и пойдём, сейчас дичь выходит на корм.

Немного спустя мы отправились в путь. Не то высыпала роса, не то прошёл мелкий дождь,—но под мягкими лучами утреннего солнца на цветах фруктовых деревьев, на свежей зелени листьев и трав алмазами блестели мелкие капельки. На краю деревни начинались заросли камыша, сначала редкие, а дальше всё более и более густые. Когда мы выходили со двора, собака прыгала вокруг нас, бросалась из стороны в сторону, то забежала далеко вперёд, то возвращалась. Я, по правде говоря, поче-

му-то сомневался в удаче охоты; когда охотишься на красную дичь, решающая роль принадлежит собаке. Если она не найдёт птицу, не вспугнёт её, самый опытный охотник не добьётся успеха. Птица часто гуляет в одиночку или по-двое; почувствовав опасность, она насторожится и, если охотник случайно наткнётся на неё,—взлетит в воздух, тогда неопытный стрелок теряет его выстрелы пропадают зря. Да и убитую птицу нелегко найти в густых зарослях. Всё это дело охотничьей собаки.

Собака Эльдара Пегий казалась очень породистой. Но, глядя, как она резвится и прыгает вокруг нас, я потерял всякую надежду на её охотничьи способности. Однако я ничего не сказал Эльдару, не желая его обидеть. Я знаю, что это больное место всех охотников. Каждый охотник уверен, что его ружьё и собака—самые лучшие на свете. Уже не рассчитывая на успех охоты, я закинул ружьё за плечо и не спеша шёл позади, решив вдоволь насладиться раннею весною и красотой этих мест. Я шёл и любовался тихим перламутровым озером, в котором причудливо отражались зелёные стройные камыши, цветы и травы.

Вдруг Эльдар остановился и поманил меня пальцем. Я подошёл к нему. Он показал на собаку. Пегий ещё недавно весело резвился, а теперь осторожно, но быстро шёл, пригнувшись к земле и помахивая хвостом.

— Напал на след,—прошептал мне Эльдар,—сейчас найдёт!

Не успел Эльдар договорить, как собака остановилась как вкопанная. Она застыла, устремившись всем телом вперед, правая лапа её была наполовину согнута и повисла в воздухе, большие уши насторожены, хвост торчал, как прутик. Собака стояла без движения, как статуя, словно стрела в натянутом луке, готовая вот-вот вылететь. От охватившего напряжения всё тело Пегого мелко дрожало словно от холода.

— Приготовьтесь,—шепнул мне Эльдар,—это самец!

Я приготовил ружьё, собираясь бросить папиросу.

— Не спешите,—засмеялся Эльдар,—пока я не прикажу, собака не шевельнется, простоит так хоть целый час.

Моё терпение истощилось, становилось жаль собаку. Всё напряженное тело бедняги ожидало приказа. Я бросил папиросу и подал знак Эльдару. Одновременно с командой «возьми!», собака бросилась в кусты и длиннохвостый фазан поднялся с шумом в воздух. В ту же секунду я выстрелил из обоих стволов, но промахнулся. Птица улетела намного вперед. Тогда выстрелил Эльдар и фазан камнем упал на землю. Тёплый ветерок принёс нам его маленькое пёрышко.

Пегий, наблюдавший за падением птицы стоя на задних лапах, бросился вперед и тотчас вернулся с добычей. Положив фазана перед Эльдаром, он посмотрел своими умными глазами сперва на меня, потом на добычу и затем на Эльдара. Мне показалось, что пёс упрекает меня и любит своего хозяина. Эльдар поднял ещё живого, трепещущего фазана и протянул мне. Я никогда не видел птицы такой красоты. Порою, глядя на необычно красиво изображенных художником пейзажи, птиц или цветы мы считаем, что в природе нет подобных красок и отдаём дань художнику, придумавшему всё это, но когда встречаешься с чудесами природы, невольно думаешь, насколько бледно творение художника...

Я закурил новую папиросу, хотя только что бросил старую, взволнованный красотой птицы и еще более тем, что я не смог застрелить её, такую крупную, на близком расстоянии. Эльдар понял моё смущение и досаду и осторожно заметил:

— Зачем вы поторопились? А хорошо, что вы не попали.

Я не понял и посмотрел на него, ещё более смутившись:

— Если бы попали,—продолжал он,—нам бы не видать этой красоты, она разлетелась бы в куски.

Правда, у каждой охоты свои особенности. Уже пятнадцать лет, как я был любителем охоты. Но всё это время стрелял водоплавающую дичь, и моя неудача на этот раз была естественна. После нескольких таких промахов я уловил суть и этой охоты. Мы убили по несколько турачей и куропаток. Приблизился полдень, начало припекать, и птицы, насытившись, ушли в чащу камыша. Все настойчивые поиски собаки были напрасны. Пёс, резко прыгавший утром, убежавший от нас намного вперед,

сейчас плёлся за Эльдаром, высунув язык. На наши окрики «Ищи, ищи!», он пробегал несколько шагов вперёд и возвращался, виновато виляя хвостом. Смотря на хозяина, он, казалось, хотел сказать: «Ну, хватит, что ли, пора и отдохнуть!» Эти напрасные поиски утомили и нас.

Эльдар, хорошо знавший местность, показал мне на тенистую иву.

— Пойдем, отдохнём, — сказал он, — выйдем на охоту ещё раз под вечер.

Из-под небольшой скалы под деревом выбивался родник, чистый, как слеза. Разрядив ружья, мы повесили их на дерево. Когда я стал снимать убитую дичь с пояса, я застыл в изумлении: от одного из фазанов на поясе осталась лишь голова и шея, а у другого нехватало половины бедра и туловища.

— Это что такое? — спросил я с удивлением.

Я подумал сначала, что дичь ободралась о ветки и кусты. И правда, по дороге я чувствовал, будто дичь за что-то цепляется и оборачивался, но нигде не было ни кустарника, ни колючек.

Я рассказал Эльдару о случившемся, он засмеялся и сказал с сожалением!

— Это работа мерзавца-шакала.

Ничего не поняв, я с удивлением взглянул на него.

— Пока мы идем в камышах, — объяснил он, — за нами следят десятки глаз. Шакалы, лисицы, дикие кошки — все они наши спутники на охоте. Если бы не собака, мы не собрали бы и половины настрелянного. Они раньше нас находят подстреленную птицу и уносят её. Самый вредный среди них — это шакал. Говорят о хитрости лисы, но она большая трусиха; дикая кошка чересчур осторожна, а шакал — большой наглец. Это он пообрыл птицу!

Вначале я не поверил Эльдару, но постепенно припоминая все подробности охоты, я убедился в его правоте и вечером решил быть осторожнее.

Умывшись, мы уселись в тени дерева.

После охоты, во время которой напрягаются все силы человека, отдых зимою у костра, а летом в тени дерева — приносит столько же удовольствия, как и сама охота.

Есть особое наслаждение и в усталости от охоты и в отдыхе после неё.

Мы разложили свою охотничью скатерть у родника, под сенью ивы, на невысокой бархатистой травке и только было принялись за еду, как заметили двух вооруженных пограничников с собакой-ищейкой. Эльдар узнал их и, вскочив, позвал:

— Коля, Каграман! Здравствуйте, идите, гостями будете.

Пограничники подошли и поздоровались с Эльдаром как старые друзья. Эльдар представил меня.

Охотничья собака Эльдара английской породы и немецкая овчарка пограничников подозрительно обнюхивали друг друга, а потом, быстро познакомившись, стали играть.

Каграман и Эльдар были фронтовыми товарищами. После войны Каграман остался на сверхсрочной службе и был послан сюда пограничником. А Коля, издавна служивший здесь, хорошо знал и любил эти места. Они только что кончили дежурство и шли на отдых.

Три товарища вспоминали фронтовую жизнь, рассказывали об интересных происшествиях на границе, попивая ароматный чай из термоса. Видно, Каграман был большим шутником. Заметив на дереве одну лишь голову и шею фазана и на скатерти косточки от съеденной курицы, он сказал со смехом:

— Что, не донесли птицу до дому, прямо тут растерзали её и съели!

Я рассказал им о случившемся. Все засмеялись.

— Только она сможет справиться с таким наглецом, — сказал я, показав на овчарку.

— Нет, — возразил Каграман, — она не связывается с шакалами; у неё своя специальность. Она охотится только за двуногими волками.

— И за бескрылыми воронами... — добавил Коля.

— Расскажи-ка позавчерашнее происшествие, — предложил Каграман.

— Что за происшествие? — спросил Эльдар.

— Да ничего особенного, это одно из обычных происшествий на границе, — ответил Коля.

— Если можно, расскажите, — попросил я. — То, что для вас обычно, для меня, наверное, очень интересно.

— Позавчера, рано утром, — начал свой рассказ Коля, — я вышел со Смелчаком, — сказал он, показывая на собаку, — проверить границу между двумя постами. Ночь накануне была темная и ветреная. Утром стоял густой туман. Такая погода наруку «ночным птицам» (я потом лишь понял, что «ночными птицами» он называет нарушителей границы). Когда мы проходили по опушке леса, Смелчак вдруг насторожился и, понюхав землю, потянул меня в лес. Я нагнулся и внимательно осмотрел землю, но ничего не заметил. Но Смелчак зря никогда не настораживается. Я вынул пистолет и последовал за собакой. Мы прошли порядочное расстояние, когда вдруг Смелчак подошёл к дереву и остановился под ним. Он обежал дерево несколько раз и поднялся на задние лапы, словно хотел забраться на дерево. Опять осмотрев землю, я ничего не заметил и хотел было уже уйти, но Смелчак не унимался и начал лаять, подняв морду кверху. Я внимательно посмотрел на дерево и заметил что-то чёрное между ветками.

— Кто там, слезай вниз! — сказал я, направив на него револьвер.

Неизвестный слез с дерева и, ничего не говоря, поднял руки. Это был высокий полный мужчина. На чистом русском языке он стал говорить о том, что якобы за границей ему плохо жилось, и он бежал к нам. Я сказал ему, что всё выяснится на месте. Не отошли мы и двух шагов, как Смелчак стал опять лаять на то же дерево. И когда я повернулся, чтобы позвать собаку, задержанный мною нарушитель набросился на меня сзади. Мы оба повалились на землю, пистолет выпал из моих рук. В ту же минуту я увидел, как с дерева слез второй нарушитель и бросился бежать, и как Смелчак кинулся на него. А мы катались

вдвоём по земле, стараясь побороть друг друга. Вдруг он упёрся ногою в землю, я остался под ним. Он навалился на меня всей тяжестью и упёр колено мне в горло. Я начал задыхаться, у меня потемнело в глазах. В это время я услышал отрывистый лай Смелчака. Наши собаки специально обучены. Если нарушитель бежит, сопротивляется, они преследуют его, догоняют и, вцепившись в него, готовы его задушить и растерзать, а если тот не сопротивляется и стоит спокойно, то собака кладёт лапу ему на плечо и отрывисто лает, ожидая нашего прихода. Я понял, что Смелчак задержал нарушителя и зовёт меня. Но моё положение было тяжелее. Если бы я мог позвать Смелчака, он бы спас меня, но я не мог не только кричать, но и дышать. Ещё минута и я потерял бы сознание. Нарушители убили бы и меня и Смелчака. Единственной надеждой было то, что Смелчак придёт мне на помощь, увидев, что меня нет.

И вдруг я вздохнул свободно, словно с меня сняли целую гору. Еле-еле подняв голову, я увидел, что Смелчак вцепился сзади в шею свалившему меня и опрокинул его. Я подполз к пистолету и трижды выстрелил в воздух. Тогда Смелчак, бросив нарушителя, кинулся ко мне. Я рукою показал ему на второго нарушителя, приказав идти туда. Первый лежал ничком. Не дав ему пошевелинуться, я связал ему сзади руки своим шарфом и предупредил, что при попытке бежать пристрелю его, а сам направился к второму. Правую руку второго нарушителя Смелчак держал крепко в зубах и стоял, положив правую лапу ему на плечо; рядом валялся пистолет. Надо сказать, что очень важно задерживать незваных гостей живыми. Они пытаются перелетать без шума и берутся за пистолет только в последнюю минуту. После того, как я трижды выстрелил в воздух, нарушитель понял, что всё пропало и схватился за пистолет, но Смелчак предупредил его.

Обоих нарушителей мы повели перед собой. Товарищи уже спешили к нам на помощь, услышав мои выстрелы.

Да, наш Смелчак оправдал своё имя...

Коля подозвал к себе собаку, лежавшую рядом с нашей, и погладил её по голове. Я взял оставшуюся на скатерти куриную

ножку и бросил её Смельчаку. Но собака даже не взглянула на неё.

— За кого вы принимаете нашего Смельчака?—засмеялся Каграман,—он не жадный, как другие псы. Он умрёт с голоду, а от постороннего пищи не примет.

Только после того, как Коля показал Смельчаку на мясо и разрешил ему: «Возьми!», собака, не спеша, взяла кость и, отойдя в сторонку, стала грызть её.

А наш Пегий в это время поглядывал то на него, то на меня, облизываясь. Я бросил ему другой кусок.—«Нельзя!»—сказал Эльдар, когда Пегий бросился к еде. Собака покорно села на своё место.—«Возьми!»—разрешил хозяин, и Пегий радостно схватил кусок. Эльдар, очевидно, хотел доказать, что его собака тоже воспитана.

Мы засмеялись и поднялись на ноги; пограничники собирались идти домой, а мы на охоту. Прощаясь, я спросил, откуда их овчарка.

— Этих собак обучают специально,—сказал Коля,—нам очень помогают пионеры и школьники. Вот Смельчака, например, воспитала одна бакинская пионерка и подарила пограничникам.

Перед началом вечерней охоты я дал себе слово отомстить шакалам. С этой целью я зарядил один ствол ружья крупной картечью. Подвесив убитых птиц себе на пояс, я шёл по густому камышу, далеко от собаки, чтобы раздражить шакалов. Но на этот раз почему-то никто не трогал приманку. Однажды, почувствовав, как птица зацепилась за что-то, я стремительно обернулся, но это оказался куст.

Дойдя до конца зарослей камыша, я вновь почувствовал, как кто-то потянул птицу. Я продолжал свой путь, чуть замедлив шаги. Дерганье повторилось, только ещё сильнее. Я быстро обернулся и увидел шакала, кинувшегося в камыши, как камень, брошенный в воду. Я быстро выстрелил и, заряжая ружьё, бросился в камыши. Эльдар, поняв в чём дело, подошёл ко мне.

В камышах распластался шакал, заряд попал ему в затылок и разбил челюсть, ножка турача так и осталась в его зубах.

— Вот это хорошо,—обрадовался Эльдар.—Правда, настреляли мы сегодня мало, зато спасли жизнь сотням птиц. Скоро начнут вылупливаться птенцы, а этот подлец—палач и матерям и птенчикам.

Сказав это, он вынул из кармана большой охотничий нож. Я спросил, что он собирается делать.

— Шкуру сниму.

— Зачем это нужно, не стоит терять время, пойдём!

— Нет, не выйдет. Это дело пяти минут, и к тому же получим премию.

— Какую премию?

— А как же, союз охотников и колхозные правления выдают премии за уничтожение вредителей сельского хозяйства.

— Ну, я уже получил своё, отомстив ему за искалеченных птиц, а премию дарю вам.

Эльдар за пять минут снял шкуру с шакала, положил её в сумку, и мы продолжали свой путь.

Мы приближались к деревне. Теперь всё чаще и чаще встречались галки и голуби, летающие по одному и стайками. Степной голубь и лесной, называющийся алабахта, который немного больше степного, считаются хорошей дичью. Даже бакинские охотники специально выходят к скалам за городом, чтобы поохотиться на голубей.

Почему-то ни один голубь не попадался мне. А Эльдар, шедший в десяти шагах от меня, не обращал на летевших прямо на него голубей никакого внимания. Я вначале удивился этому, но потом вспомнил.

Согласно старым поверьям, восходящим, возможно, к тем древним временам, когда наши предки поклонялись различным животным, некоторые птицы и звери особо почитаются человеком. Говорят, в Индии до сих пор существуют племена, покло-

няющиеся быку. Если, например, какой-нибудь бык там забредёт на базар и станет поедать зелень и овощи у продавцов, то его не только не отгоняют, а наоборот, человек, у которого бык съел что-нибудь, считает это для себя большим счастьем. На гербах многих стран Европы и Востока до сих пор ещё сохранились изображения животных и птиц.

И в нашем народе такие птицы, как голубь, аист, угод, по старинному обычаю считаются священными, о них сохранились сказки и предания.

Я решил, что Эльдар из-за этого и не стреляет в голубей.

Мы приближались к деревне, идя по берегу реки. Эльдар шёл в десяти шагах впереди меня. Вдруг я заметил голубя, летящего навстречу нам вдоль берега. Желая подтрунить над Эльдаром, я выстрелил как раз, когда голубь пролетал над ним. Покружив в воздухе, птица упала в реку, легко раненная в крыло, и в эту минуту Эльдар издал такой вопль, что я испугался, не причинил ли ему вреда. Правда, расстояние от голубя до него было большое, но всё же, я мог случайно ранить его. У меня замерло сердце; подбежав к Эльдару, я взволнованно спросил:

— Что случилось? Не ранило ли вас?

Заметив мой испуг и смутившись, он улыбнулся своей чистой детской улыбкой. В глазах его стояли слёзы.

— Ничего,—успокоил он меня, улыбаясь,—ничего.

Убедившись, что ему на самом деле не причинено вреда, я облегчённо вздохнул и посмотрел туда, куда упала птица. Голубь, взмахивая крыльями, приближался к берегу. Пегий побежал к нему, но Эльдар остановил его необычным сердитым окриком, полным упрёка и печали:

— Нельзя!!!

Бедная собака, видимо, не привыкшая к такому обращению, вернулась, поджав хвост.

Почему-то мне показалось, что это горькое «нельзя» относилось больше ко мне, как гласит пословица: «Дочь моя, это я говорю тебе, а ты, невестка, слушай!».

Голубь, выйдя из воды, ходил по берегу. Когда я подошёл, он ничуть не испугался и я без всякого труда поймал его. Клюв

и ноги у птицы были красные, глаза—прозрачные, как кристалл, головка её, точно сделанная искусным мастером, напоминала мягкий шарик синего бархата, шея и грудь были тёмнозелёного цвета, переходящего в иссиня чёрный. Когда голубь двигался, эти краски то разделялись, то сливались, образуя невиданную цветовую гамму, переливавшуюся от тёмнозелёных брюшка и боков к чёрным с яркозелёными крапинками крыльям. Краешек его левого крыла был пробит насквозь, но кость не была задета.

Желая сохранить голубью жизнь, я осторожно положил его в сумку и вернулся к Эльдару. Мне хотелось узнать причину его взволнованного крика и той неожиданной нервной возбужденности, следы которой до сих пор были заметны на его лице.

— Что это было, друг мой, почему вы так напугали меня?

— Ничего... у нас в голубей не стреляют,—сказал он, пытаясь улыбнуться.

Но по выражению его лица и по тону голоса можно было догадаться, что дело не только в этом. Я не профессионал-охотник. Я полюбил охоту потому, что охота даёт возможность вблизи наблюдать природу и людей. Поэтому я захотел узнать настоящую причину волнения Эльдара.

— Нет, дружище.—возразил я,—только из-за этого вы не вскрикнули бы так взволнованно. Здесь кроется что-то другое. Если можно, расскажите мне.

Эльдар, словно припоминая что-то, уставился в одну точку и после некоторого колебания сказал с заметной грустью:

— Это длинная история, и к тому же вы устали. Идёмте, отдохнём немного, я расскажу вам дома.

Я удовольствовался его обещанием, видя, что эта тема глубоко волнует его и вызывает горькие раздумья. Молча мы отправились в деревню.

С приближением к деревне, голубей становилось всё больше и больше, и можно было настрелять их сколько душе угодно. Не желая, однако, обижать Эльдара, я не притронулся к ружью.

При входе в деревню, мы, по правилам охоты, разрядили ружья. Проходя мимо дворов, огороженных заборами, я заме-

тил, что на крыше каждого дома сидело по несколько голубей. Многие из них прогуливались по дворам, не пугаясь играющих ребятишек, или вместе с курами и цыплятами искали корм. Когда мы дошли до дома Эльдара, я увидел на крыше голубятню в виде ящика. На маленькой плоской крыше её прогуливались два голубя, очень похожие на того, которого я ранил. Один из голубей чистил себя клювиком, наводя красоту, а другой надул зоб, вскинул голову и, распустив хвост веером, обхаживал первого с криком: «ваг-ваг-гуррр...». Сначала я подумал, что Эльдар азартный голубятник. И, откровенно говоря, это мне не понравилось. Одно дело выращивать и воспитывать животных для сельского хозяйства и обороны, и совсем другое—разводить птиц для собственного развлечения или петушиных боёв.

Раньше многие бездельники держали петухов, баранов, собак и других животных, чтобы устраивать побоища, натравливая их друг на друга и любуясь, как они дерутся, истекая кровью. И что ещё хуже, это было иногда средством добывания денег. Когда я был ребёнком, по соседству с нами жил молодой парень. У него было много разноцветных лохмоногих голубей. До позднего вечера он смотрел, как они летают, переманивал голубей у других любителей, бегал по соседним крышам, кидал камни, разбивал стёкла. Не было дня, чтобы он не затевал скандала с другими голубятниками-соседями.

Однажды он свалился с крыши трехэтажного дома и разбился насмерть. С тех пор я ненавижу голубятников.

Голубятня в доме Эльдара была не велика. Во дворе не гуляли крикливо раскрашенные голуби, каких я видел у голубятников. Тогда я предположил, что Эльдар либо держит почтовых голубей, либо просто, пожалев птиц, построил им жилище. Эти догадки уже не вызвали во мне неприязни. Ведь почтовые голуби, как и ищейки или пограничные собаки, полезны и в хозяйстве и в обороне... Строить домики для голубей, скворцов и других птиц, помогать их размножению и беречь их—безусловно полезное дело.

Вынув из сумки раненого голубя, я сказал, протянув его Эльдару:

— Возьмите, Эльдар, и этого голубя, пустите его к остальным, рана у него лёгкая, она скоро заживёт. Говоря по правде, я жалею, что стрелял в него.

Эльдар, улыбнувшись, взял голубя. Вынув горсть зерна из мешочка, висевшего на столбе, он высыпал его на землю и протяжно просвистел. Голуби из голубятни и с крыши слетелись на его зов и стали клевать зёрна.

Я заметил, что у одного из голубей правое крыло раскрылось меньше левого и он летел косо. Эльдар пустил моего раненого голубя к остальным. Его крылышко беспомощно свисало. Голубь на минуту остановился, осмотрелся кругом и потом, поправив клювом раненое крылышко, поднял его кверху и как ни в чем не бывало стал клевать вместе с другими голубями.

После этой интересной охоты больше, чем отдохнуть и поесть, мне хотелось услышать рассказ Эльдара. Мы почистили ружья, умылись и прошли в комнаты.

**

По обычаю гостеприимства, оставшемуся от наших дедов и прадедов, когда приезжает дальний гость к кому-либо в дом, все почтенные сельчане, независимо от того, звали их или нет, приходят навестить его.

Мы пили чай, беседуя с Эльдаром о минувшем дне и охоте. Я с нетерпением ожидал его рассказа о голубях и поэтому стремился быстрее закончить разговоры на другие темы.

Выпив свой стакан, Эльдар сказал:

— Пойду, посажу того голубя в голубятню, он ранен, сам взлететь не сможет.

Он ушёл, и я решил, что по возвращении он расскажет мне обещанное. Вскоре Эльдар вернулся, но не один.

— Пожалуйста, пожалуйста,—приветливо говорил он кому-то за дверью.

В комнату вошли четыре колхозника. Эльдар представил нас друг другу. Один из них был мужчина на вид сорока пяти—пятидесяти лет, высокий, широкоплечий, с добродушным лицом. Морщины, лучами идущие от уголков его глаз, делали его лицо

смеющимся. И правда, он, когда говорил и когда слушал, посмеивался, показывая из-под усов ряд жемчужных зубов. Летнее солнце и зимний холод покрыли его щёки здоровым румянцем. В глазах и в голосе его были простота и задушевность, невольно передававшиеся окружающим.

В разговоре выяснилось, что Дашдемир-ами* (так звали этого мужчину) был человек, выдавший виды, прошедший огонь и воду. Ещё безусым юношей он был в отрядах Гачаг-Наби и сражался на обоих берегах Аракса. Я очень обрадовался, увидав бывшего соратника героя, жизнь которого стала легендарной поэмой, и не удержался от просьбы рассказать что-нибудь.

— Сохранилось ли в вашей памяти какое-нибудь событие?—спросил я.

— То, что слышишь от других, забывается, но разве можно забыть то, что произошло в собственной жизни?

— Если так, расскажите что-нибудь.

— Эх, кардаш-оглу**, рассказывать так много, слов не хватит... Я, пожалуй, утомлю вас. И к тому же вы только что вернулись с охоты, устали. Будем живы, приедете ещё раз сюда, спокойненько побеседуем.

Увидев, что Дашдемир-ами вынул кiset и стал сворачивать самокрутку, я предложил ему папиросу.

— Спасибо,—сказал он,—это табак, который я сею у себя во дворе. От другого табака у меня кашель. Очень хороший табак. Попробуйте.

Я закурил. Действительно, табак был душистый и приятный.

— Ну как?—спросил он.

— Отличный табак,—ответил я,—не придерёшься ни ко вкусу, ни к аромату.

Привыкший к похвалам своему табаку, Дашдемир-ами сказал со спокойной уверенностью.

— Наша земля—золото! В прошлом никто не знал ей цены. Страну разоряли, покупали чай в Индии и в Китае, рис и апель-

* Ами—дядя по отцу, принятое обращение к взрослому.

** Кардаш-оглу—сын брата, принятое обращение.

сины в Персии и даже в Италии, а табак—в Турции. А теперь всё это мы выращиваем здесь и вдесятеро лучше. Недавно я повёз мой табак в Баку. В министерстве всем понравился. С этого года разрешили сеять на специальном опытном участке.

Один из гостей, с медалями и орденами за участие в Великой Отечественной войне, вмешался в разговор и полушутя, полусерьёзно сказал:

—Дашдемир-ами—Мичурин нашего района. В его саду есть такие удивительные деревья, что не веришь своим глазам. В разгар зимы он собирает виноград, а если на яблоне увидишь абрикосы—не удивляйся. Он говорит, что в наших садах должны расти всякие небывалые фрукты, и обязательно—круглый год.

Дашдемир добродушно отвечал в тон парню:

— А что, бала,* что же здесь удивительного, ты вот стахановец и выполняешь в день по десять-пятнадцать норм, отчего же мне мичуринцем не быть? Буду, и ещё как шагну! Ты мне скажи: сбывается то, что я говорю, или нет?

— Правда,—вмешался в разговор Эльдар,—Дашдемир-ами вырастил в своём саду множество сортов растений, не боящихся ни зноя, ни мороза, ни засухи. И не только в нашем, но и во многих колхозах района выращиваются растения, взятые из сада Дашдемир-ами. Особенно пионеры и школьники широко пропагандируют его питомцев. В прошлом году в ответ на призыв пионерской печати украсить нашу страну фруктовыми садами, пионеры разбили красивый сад. Ребята учатся в этом саду ухаживать за деревьями и переносят опыт к себе домой и к соседям. Дашдемир-ами всегда помогает им.

Дашдемир-ами крякнул и покрутил ус с шутливым самодовольством.

Мы все рассмеялись. Один из гостей почему-то не участвовал в беседе. По всем признакам, по цвету глаз и волос он был, очевидно, русским. Обратясь к нему по-русски, я спросил:

— Давно ли вы живёте здесь?

* Бала—дитя, обращение к младшим.

Он отвечал со смехом на чистом азербайджанском языке с местным акцентом:

— Мы здешние ещё с дедовских времён.

Заметив на моём лице удивление, он пояснил:

— Ещё проклятый дед царя Николая сослал наших предков сюда. Царь хотел удержать в одной руке два арбуза. Наши предки—молokane, ссылаясь на запрет своей веры, отказывались давать солдат в его армию. И царь, желая удалить их из России, сослал их сюда, думая разжечь раздоры между нами и местными жителями.

Но вышло наоборот. Рука об руку с местными людьми мы начали бороться за свои права, и в этой борьбе стали кровными братьями. А после революции совсем породнились. Вот,—добавил он, указав на парня, шутившего с Дашдемир-ами,—этот славный парень—мой зять.

— И внук у него есть,—заметил со смехом Дашдемир-ами,—одна бабушка зовёт его Руслан, а другая—Рустам.

Подали кушать. Как большая дружная семья, перекидываясь шутками, все уселись за стол. Поев, Дашдемир-ами поднялся и сказал товарищам:

— Ну, пошли, они устали, пусть лягут отдохнуть.

Пожелав нам спокойной ночи, они ушли. Эльдар пошёл проводить их.

**

Вернувшись, Эльдар повторил слова Дашдемир-ами:

— Вы устали, ложитесь отдохнуть.

Но я напомнил о его обещании рассказать, что его взволновало, когда я ранил голубя. Он, почему-то, опять захотел отложить беседу на завтра, но я настаивал. Тогда он уселся против меня и рассказал следующее.

— Мы живём на границе, здесь очень часто случаются странные и неожиданные происшествия. Коля рассказывал вам днём одно из них. Но границу охраняют не только пограничники, здесь каждый гражданин—пограничник, каждый охраняет границы Родины, как зеницу ока. Если каким-либо образом

«ночная птица» обманет бдительность пограничников, то она вскоре будет поймана местными жителями.

Я родился и вырос здесь и был не только свидетелем многих таких происшествий, но и участником их. Случай с раненым голубем напомнил мне одно из них.

Два года тому назад стояло такое же утро, как и сегодня. Я возвращался берегом от своих друзей—пограничников, и увидел на той стороне реки человека в гражданской одежде, разгуливающего с охотничьим ружьём. Это было странно. Я знаю, что там почти нет охотников. А выходить на охоту на берег, на границе, воспрещается. Но за последнее время мы привыкли к подобным странностям; после того, как там появились англо-американские «советники», мы стали часто видеть на том берегу «охотников», «художников», рисующих пейзажи, или «фотографов». Некоторые из них, «заблудившись», оказывались иногда на нашем берегу. Таким мы указывали потом правильную дорогу. Одним словом, этот странный охотник заинтересовал меня. Прикинувшись равнодушным, я вошёл в густые камыши и оттуда стал наблюдать за ним. Он ходил взад и вперёд по определённой отрезку, как часовой, и поглядывал на наш берег, но больше глядел на свой. И часто смотрел на небо. Прошло немало времени. Я уже устал и решил продолжать свой путь, как вдруг увидел, что он снял ружьё с плеч и приготовился стрелять. Я посмотрел вверх: над его головой летел обыкновенный голубь. Было ясно, что он хотел сбить его. Это меня удивило ещё больше. Жители того берега, как и наши люди, считают голубя домашней птицей и не стреляют в них. Когда голубь пролетел, тот выстрелил, но не попал. Голубь, напуганный выстрелом, полетел быстрее; он уже был над рекою, когда послышался второй выстрел. Голубь, пролетев немного, боком упал в реку и точно так же, как и голубь, подбитый вами, стал хлопать крыльями по воде и еле-еле выбрался на наш берег. Я подобрал его. Это был самый обыкновенный голубь, из тех, которые живут у нас на крышах и копаются в поисках корма с нашими цыплятами и курами. Кстати сказать, эти голуби не похожи на перелётных птиц, они верные жители этих мест. Они никогда не поки-

дают приглянувшихся им мест, где выют свои гнёзда. Однако, как охотник-наблюдатель, я заметил, что за последнее время с того берега к нам перелетают стаи голубей и обратно не возвращаются. Видимо, их гнёзда разорены и достались совам...

В общем, я сначала так и не мог понять, почему же странный «охотник» стрелял в этого голубя. Сбивать птицу над рекой не было смысла, так как течением её всё равно унесло бы от него.

И вдруг мне пришла мысль. Ведь раньше голубей использовали как средство связи. Да и сейчас, когда нет возможности связаться по радио или по телефону, используют голубей. Может быть...

С этими мыслями я осторожно осмотрел птицу и нашёл под раненым крылышком бумажку, свернутую в трубочку. Я прочёл её. Это было трогательное письмо, полное надежды и веры...

Тогда этот голубь стал мне дорог вдвойне. Он был посланцем братского народа. Поэтому, когда вы ранили голубя, я вспомнил тот случай и невольно вскрикнул...

Эльдар умолк. Видно, он хотел на этом закончить разговор. Но, уступив моим настояниям, поднялся и принёс письмо. Он хранил его, как святыню. Послание было написано еле разборчивым мелким почерком.

На бумаге, намкнувшей от воды и крови голубя, были розоватые прожилки, как на мраморе. Мы вместе прочли письмо.

«Дорогой друг, родной брат! Горячий привет тебе от героического народа славного Бабека, великого Хатаи, отважного Саттар-хана.

Мы, группа свободомыслящих и свободолюбивых юношей, искали возможности передать тебе сердечные слова с нашей родины, превращённой теперь в темницу.

Наши глаза всегда обращены в вашу сторону. Мы увидели, как голубки, эти счастливые птицы, перелетают из нашего мрака в страну света и счастья. И мы поручили одному из них это письмо. Мы знаем, что в мире света у нас есть братья, их язык, как наш язык, их сердце, как наше сердце, их кровь—такая же, как наша. Это придаёт нам веру и отвагу. Нас лишили родного

языка, лишили возможности слышать правду о солнечном крае. Нас ссылают в дальние края из родной земли, каждая пядь которой напоена кровью наших дедов.

Но мы знаем, что такое борьба за родину и свободу, мы вкусили свободу и научились у вас—наших старших братьев—защищать её. Мы слышали о беззаветной храбрости героев «Молодой гвардии», об Олеге Кошевом и его товарищах. Великое солнце свободы дало нам силу и разум.

Наши палачи не понимают, что для солнца нет расстояний.

Наш лозунг таков: Да здравствует солнце! Да здравствует свобода!».

Прочитав это письмо, мы молча посмотрели друг на друга. Мы оба понимали, что творится в душе другого. И в тот вечер мы не проронили больше ни звука. И только до самого рассвета слушали песню соловья на кусте розы, песню горькой печали и надежды...

**

Утром, собираясь прощаться, я вышел во двор и посмотрел на голубятню. Там был только голубь, раненный мною вчера. Я удивлённо взглянул на Эльдара. Он понял меня и ответил:

— Они свободные птицы. Сейчас летают вдоль Аракса. У голубя, которого ранил тот «охотник», крылышко давно зажило. Он каждое утро и вечер летит на реку и оттуда смотрит на тот берег, и мне кажется, что он возвращается со слезами на глазах... Кто знает, может быть, там у него птенцы остались.

Когда Эльдар говорил это, раненый голубь возвратился со своим товарищем. Покружив над домом, они сели на голубятню.

Я внимательно посмотрел на голубя. Тот глядел на Аракс и мне показалось, что действительно в его глазах слезы. Эльдар заметил мой взгляд и сказал:

— Конечно, когда-нибудь и он вернётся в свой край, в своё гнездо, соединится с своими птенцами, по которым так тоскует.

Мы простились с Эльдаром. Я обещал ему никогда больше не стрелять в голубей.

ГРОЗА ВОЛКОВ

Было начало сентября—пора, когда спеет гордость Апшерона—белый и чёрный шаны*, жёлтый инжир, наступает охотничий сезон.

Вечерком мы добрались до деревушки П. и остановились в доме знакомого колхозника. Покос зерновых уже закончился. Колхоз намного перевыполнил план—из-за дождливой весны урожай превзошёл все ожидания. Огороды и виноградники тоже принесли большой урожай. Это изобилие радовало колхозников, в том числе и Байрам-ами, у которого мы остановились.

После приветствий накрыли на стол. Подали белый шаны, янтарный, прозрачный с тонкими прожилками, крупный, чёрный шаны, блестящий, как круглые бусы на шее девушек и невест,

* Шаны—сорт винограда.

и нежный, жёлто-зелёный инжир, с просочившимся сквозь кожу медовым соком.

На большой круглой тарелке лежали фисташки, зелёные с одной стороны, красные—с другой и желтоватые—с третьей. Они лежали гроздьями, точно виноград, каждое зёрнышко на поминало крохотный абрикос.

Байрам-ами с нескрываемой гордостью сказал, показывая на фрукты:

— Кушайте, дорогие друзья! Вы были во многих местах, скажите, видели ли вы где-нибудь фрукты такого вкуса и красоты? Многие не любят наш пыльный Апшерон, эти песчаные сады. Простите, я сделаю небольшое отступление. Говорят, что у Аристотеля был очень некрасивый рот. Однажды кто-то задел его и говорит: «Какой у тебя некрасивый рот!». А он ответил: «Что ты смотришь на рот, ты послушай лучше, какие из него умные слова выходят!». Вот, друзья, таков и наш Апшерон: хоть и много здесь пыли, копоти, но и прекрасных фруктов немало!

Я посмотрел на своего товарища, который, недолюбливая бакинские дачи, каждый год ездил в Кисловодск и теперь только что вернулся оттуда.

— Это вы ему скажите, Байрам-ами,—заметил я,—а я давно уже полюбил эти места.

— Ну, что же, я уехал в знойное пыльное время и вернулся в хорошее,—ответил мой товарищ.

Эти слова, казалось, задела Байрам-ами. Он сразу стал серьёзным и сказал:

— Нет, друг, мы должны добиться того, чтобы в этих местах не было пыльной поры. Вот увидите, ручаюсь головой, настанет время, когда эти места станут лучшими в нашей стране. До сих пор Баку славился в мире лишь своей нефтью, а в будущем прославится своими чудесными садами и бесподобными фруктами.

Байрам-ами не был похож на тех стариков, которые отстают от жизни и восхваляют прошлое. Это был знающий, зоркий, легко воспринимающий всё новое человек.

Заметив, с каким интересом мы слушаем его, забыв о еде, он воодушевился ещё более и продолжал говорить:

— Друзья мои, кушайте на здоровье, но, даже если разболится у вас голова, послушайте, что я скажу. Апшеронским деревням, и особенно нашей, нехватает воды и дорог. Не знаю, обратили ли вы внимание на сады в Арменикенде и потом в Кировском посёлке, на сады, разбитые по обеим сторонам железнодорожного моста. Ну, настоящие леса! А прежде эти места были голыми солончаками, с потрескавшейся, сухой землей. Чем этого добились? Водой! А разве сюда, в нашу деревню трудно провести воду? Я не говорю уже о канале Самур-Дивичи, да вот здесь, в каких-нибудь ста-двухстах шагах от берега моря, на глубине трёх-четырёх метров под отвердевшим пластом, который у нас называют «сарак-дашы»,—есть вода, чистая, как слеза, холодная, как лёд, сладкая, как шербет*. Пророешь до колена, а воды наберётся—по пояс. Вон колхозный мотор с трубой толщиной в две руки работает день и ночь, а воды и на палец не убавляется. В деревне же, во дворах нет даже питьевой воды, а о поливной уж и говорить нечего. Можно провести воду в деревню или нет?

Мой товарищ-охотник подумал и сказал:

— Провести можно, но, вероятно, это очень дорого обойдётся.

Байрам-ами, словно ожидая такой ответ, согласился с ним.

— Конечно, моторы обойдутся дорого, но у нас есть старая пословица: сила народа—сила потока, сила ветра!

Сила народная известна, её мир много раз видел, а недавно и фашисты увидели. Сила потока тоже известна. Вон в Минге-чауре такое затеяли, что силою воды дадут людям свет...

А вот про силу ветра забыли, то-есть не то, что забыли, а просто не обращают на неё внимания. До войны мы ездили в Москву на сельскохозяйственную выставку от колхозников Апшерона. Там мы видели много хороших вещей, но одно мне особенно понравилось. Там было установлено несколько вышек,

* Сладкий напиток.

очень похожих на наши нефтяные. На верхушке каждой из них вертелись две, три и четыре лопасти. Мы вначале подумали, что они вращаются электричеством, пошли, спросили у инженеров. Оказывается, их вертит ветер, а они и воду качают, и электричество дают и, к тому же, годятся молотить пшеницу и производить кузнечные работы.

Ветряные мельницы—для нас, конечно, не диковинка. Ещё деды наши знали их. Наверное, ваш путь лежал через Маштаги, и вы там видели такие. Но куда им!..

Вот штук двадцать-тридцать тех московских ветряков поставить бы вдоль моря, чтобы они послали подпочвенную воду в деревню, чтобы в каждом дворе был свой родник—и через пять-десять лет эти места станут райскими.

Как часто и сильно на Апшероне дуют ветры: норд, моряна. Все двенадцать месяцев в году дуют без перерыва. Точно так же, как в Мингечауре оседлали дикую Куру, можно оседлать и дикий апшеронский ветер. Враг наших садов—свирепый норд, бьющий сейчас деревья и не дающий им расти, сам служил бы нам, поливал бы сады и огороды, одел бы землю лесами. И тогда наш дорогой друг не бежал бы в Кисловодск от бакинской пыли и копоти.

Заманчивые мечты старого колхозника были похожи на сладкие грёзы юного пионера, но эти мечты были очень близки к действительности и, подхваченные народной инициативой, могли бы в ближайшем будущем осуществиться.

— Хорошо, Байрам-ами,—спросил я,—если это возможно, почему же вы сами не делаете? Ожидаете, пока правительство и это вам сделает?

Мой вопрос, видимо, задел старика.

— Эх, милый человек,—серьезно ответил он,—что такое правительство и кто мы? Да вот я сам один из представителей правительства... Вопрос был поставлен на районном Совете, из колхозного фонда деньги выделили... Но помешал чортов сын Гитлер, началась война, всё расстроилось. Скоро мы опять наладим дело. И председатель нашего колхоза вернулся с фронта,

он умелый и способный парень. Вот увидите, в несколько лет всё, о чём я говорю,—сбудется.

Мой товарищ ел виноград и инжир, искоса поглядывая на фисташки, потом нерешительно взял кисточку и, как человек, не знающий, что ему делать, стал вертеть её в руке. Заметив это, Байрам-ами улыбнулся.

— Видно,—сказал он,—наш друг ещё не видел фисташек в таком виде.

Он взял другую веточку и стал раскрывать скорлупки, сжимая их между большим и указательным пальцем.

Нежнобелые ядра фисташек покатались по скатерти. Они напоминали свежий улыбающийся рот. Недаром поэты прошлого употребляли слово «пустедехан»*, описывая красавицу... Созревшие фисташки легко отделялись от скорлупы. Мы съели по несколько штук и похвалили—уж очень вкусны они были. Эта похвала еще больше воодушевила поэтическую натуру Байрам-ами.

— Дорогие друзья,—вновь начал он говорить со всё возрастающей взволнованностью,—конечно, фисташки—не такая важная вещь, как ячмень или пшеница. Но люди, считающие её из-за этого ненужной, похожи на петуха, которому не понравилась жемчужина. Мы от дедов своих слышали, что каждая фисташка—это капля крови. Этот нежный, вкусный и полезный плод растёт на нашей солёной земле, можно сказать, сам по себе; как говорят, любит эту землю. Наш старик, мир праху его, лет пятьдесят—шестьдесят тому назад посадил здесь фисташковый сад,—сказал Байрам-ами, показывая рукой на двор.—И теперь ежегодно мы собираем до тонны фисташек. И ни воды они не просят, ни удобрения, за целый год только разрыхли немного землю у корня—вот и всё. И шафран ценится на вес золота, а произрастает только здесь, на Апшероне.

Недавно мы обсуждали на колхозном собрании постановление правительства о лесонасаждении. Это постановление пришлось мне по душе. Эх, друзья, вы только посмотрите, что бу-

* Ротик-фисташка.

дет! От самого Сумгаита будут насажены леса. По всему берегу Апшерона протянутся асфальтовые дороги и полотно электрички. Обе стороны дороги будут обсажены деревьями, все сёла украсятся зарослями миндаля, инжира, граната, маслины, а нефтяные промысла утонут в зелёных садах.

Вы нигде не найдёте таких нежных фруктов, как у нас, такого мягкого, сверкающего, как перламутр, песка, такого чудесного морского воздуха. Поверьте мне, что скоро дачи Апшерона станут лучшими в стране. И тогда герои хлопка и нефти и их дети с ещё большим удовольствием будут отдыхать здесь, купаться в море, загорать на солнце, укрепляя свои мускулы. Пригласят в гости московских рабочих, донбасских шахтёров, расстелют скатерти и подадут белый и чёрный шаны, жёлтый ранний инжир, фисташковую пахлаву, миндальный шекербура*.

Мечты Байрам-ами и его беседа нас очень увлекли, но мы должны были подготовиться к завтрашней охоте и, прежде всего, найти проводника.

Говорят—язык до Мекки доведёт. Но до охоты он не доведёт, ты должен хорошо знать местность, куда идёшь, либо иметь с собою знающего охотника, иначе удовольствия не получишь. Не знакомый с местностью всегда вернётся с охоты с пустыми руками.

Это нужно было знать моему товарищу, особенно потому, что на охоте он увлекался и не соблюдал многих обязательных правил. Он мог пойти охотиться в любое место, указанное мальчишками или даже просто приглянувшись ему. Из-за этого удовольствие от охоты неоднократно превращалось для него в неприятность.

На этот раз он согласился итти со мною. Я хотел доставить ему настоящее удовольствие от охоты в знакомых мне местах и со знанием дела.

* Восточные сладости.

— Байрам-ами,—обратился я к хозяину дома,—знаешь ли ты, что я наполовину здешний, и всё, что ты говорил,—мне по душе. Только скажи мне, выйдёт ли что-нибудь из нашей затеи? Попадётся ли птица?

Байрам-ами посмотрел на небо и сказал, колеблясь:

— Что ж. Если не попадётся завтра—попадётся послезавтра. Пару дней погостите у нас. Погода хороша. Если бы подул норд, было бы не плохо, сейчас самое время для птиц.

Товарищ не сказал ни слова, но многозначительно посмотрел на меня, словно желая сказать: «Да, вот она, твоя хвалёная охота на Апшероне».

В самом деле, я каким-то образом не обратил внимания на погоду при выезде из города. Ответ Байрам-ами и взгляд моего друга смутили меня.

Погода и вправду стояла плохая. Небо было чистое, последние лучи уходящего солнца таяли в прозрачном небе, горизонт был окрашен голубыми и розовыми тонами. Ветра почти не было, дыхание моряны, невыносимо знойное в дневные часы июля и августа, а по вечерам обычно прохладное, придавало концу лета особую мягкость и свежело с наступлением вечера.

Вы можете сказать, а что же здесь плохого? Это же чудесная погода! Но я тогда замечу вам, что на языке охотников, особенно охотников на морских птиц, погода, хорошая для всех, называется плохой, и плохая—хорошей. По этому поводу у меня с моими сослуживцами часто возникали удивительные споры.

Бывало, подует пронизывающий до мозга костей норд, заволакивающий небо чёрными тучами, и я, высунув голову из окна учреждения, скажу: «Ах, какая чудная погода!». А товарищи мои удивляются и возражают, каждый по-своему.

И как же это могло случиться, что я на этот раз не обратил внимания на погоду? Теперь я упрекал себя в душе за эту невнимательность. Наступило молчание.

Вдруг я услышал лёгкий, едва слышимый свист. Он был похож на посвистыванье аробщиков при поении лошадей. Это был свист птицы, называющейся гюляншах (кроншнеп). Я прислушался: свист повторился несколько раз. Прекрасно!

В ту же минуту мой товарищ громко хлопнул себя по шее.
— Вот тебе,—сказал он,—и комар! А ты говорил, что здесь нет малярии!

Я подошёл и посмотрел на результаты его «охоты». Это был не комар, а серая муха. Моя радость возрасла вдвое.

— Чудесно,—сказал я,—завтра будет изумительная охота.

Товарищ мой, видимо, не понял моего перехода от смущения к радости и насмешливо спросил:

— Что, охота на мух?

— Нет, самая хорошая охота на уток и кроншнепов.

— Что случилось, откровение на тебя что ли снизошло?

— Да, ты отгадал, снизошло откровение, но оно пришло не от Джебрайла*, а от кроншнепа и серой мухи. Я раскрою тебе эту тайну. Не знаю, как в других местах, но какая бы тихая погода на Апшероне не стояла, если свистнет гюляншах, или укусит серая муха—знай наверняка, что задует норд!..

Это подтвердил и Байрам-ами. Но мой товарищ пока ещё явно сомневался.

— Хорошо, если бы так!—сказал он.

Будучи уверен, что завтра будет норд, я решил начать разговор о проводнике. Правда, Байрам-ами сам был старым охотником, но я не хотел его утруждать и, к тому же, сомневался, что он в таком преклонном возрасте сможет пойти с нами. Не обижая его, надо было сделать так, чтобы он сам посоветовал нам проводника.

— Хорошо, Байрам-ами, сказал я,—вы когда-нибудь выходите на побережье?

— Почему же, иногда утром или вечерком хожу купаться.

— А на охоту как?

— На охоту? Нет, мы в такое время на охоту не выходим. Это дело таких молодцов, как вы, жадных до охоты, не жалеющих дроби и пороха. Мы ждём ноября, декабря, тогда самая пора и птица жирная. Да и стреляем-то мы с выбором, чтобы за один выстрел убить три-четыре штуки...

* Архангел Гавриил.

Мой товарищ, недоверчиво улыбаясь, посмотрел на меня и на Байрам-ами. Видимо, он счёл это за обычное охотничье преувеличение. Но Байрам-ами не преувеличивал.

Апшеронский полуостров, и особенно северная его часть, лежит на пути больших птичьих караванов, пролетающих осенью и весной. Стаи их в конце июля и в августе начинают увеличиваться, а в октябре—декабре наступают такие дни, когда птичьи стаи прибывают нескончаемым потоком, одна за другой, в пять-шесть рядов.

Большие стаи мелких уток-чирков движутся, как облака, с большой быстротой и, пролетая вблизи, шумят крыльями, напоминая гудение самолета. Если не спеша стрелять в эти стаи, то можно спокойно убить пятнадцать-двадцать птиц в два заряда. А нетерпеливый и неопытный охотник в горячие дни перелёта израсходует весь порох за час и останется глазеть попусту.

Мой товарищ, охотившийся только на фазанов и турачей, не знал обо всём этом и вправе был удивиться. Чтобы рассеять его сомнение, я спросил у Байрам-ами:

— Хорошо, а в деревне есть молодые охотники? Они бьют что-нибудь?

— Почему же,—охотников сколько хочешь. Слава советской власти, она выпускает столько охотничьих ружей, и не дорогих по цене и метких. Сейчас нет дома, где бы не было двух-трёх охотничьих ружей. Это раньше мы только мечтать могли о ружьях... Да вот у моего племянника тоже есть ружьё; в позавчерашний ветер за пару часов он подбил восемь уток и трёх кроншнепов.

Ответ Байрам-ами обрадовал меня. Было ясно, что птица есть и что его племянник, видимо, неплохой охотник. Теперь надо было разыскать его и попросить быть нашим проводником.

— Байрам-ами,—спросил я,—а твой племянник сейчас здесь?

— Не знаю, должен быть здесь, он учится в городе, в мореходном училище. По субботам он приезжает домой. Если он почувствует норд, обязательно будет здесь.

И Байрам-ами закричал в дом:

— Сона, пойдика посмотри, приехал ли Гроза волков, позови его сюда.

— Это хорошо, если он пойдёт с вами,—добавил он, обращаясь ко мне.—Он прекрасно знает здешние места.

— Да,—сказал я,—конечно будет неплохо найти проводника.

Видимо, или из-за привычки охотиться как попало, или из желания ещё раз возразить мне, мой спутник сказал:

— На что нам проводник? Тут не лес, не камыши, а ровный берег... А если задует норд—будет птица, ну и стреляй, где стоишь!..

На этот раз Байрам-ами ответил ему вместо меня:

— Нет, дорогой, это не так. Вы, наверно, не искушены в охоте на море. Есть такие места, куда даже в самую горячую лётную пору птица никогда не подойдёт, а есть и такие, куда обязательно подойдут все пролетающие стаи.

Байрам-ами был прав. Одно из условий удачной охоты— умение найти хорошее место. Часто, в зимнее время, как бы рано ни выйти на берег моря, увидишь, что все хорошие места заняты: многие охотники приходят с ночи, чтобы занять их и прячутся под скалами. В то же время бескрайние поля почти пустуют.

Пока Байрам-ами объяснял нам всё это, говоря, что каждый охотник хранит своё излюбленное место в тайне, открылась дверь и вошёл мальчик лет пятнадцати-шестнадцати в форме курсанта мореходного училища.

И фигурой и чертами лица он походил на Байрам-ами. «Хорош тот, кто похож на дядю по матери»,—говорит пословица. И если этот парень был и на охоте похож на дядю, то лучшего нам не надо было—ведь Байрам-ами во всей деревне считался лучшим охотником. Меня беспокоила только молодость парня. Возможно, что он отлично стрелял, но нам нужна была его опытность, знание хороших мест, а от такого юноши ожидать этого было трудно.

Байрам-ами шутливо приветствовал племянника:

— Что же это не видать тебя? Надо ждать, как солнышка!.. Может быть, с тех пор, как ты в городе учишься, гордости набрался? Надел форму и сам в своих глазах вырос?

Мальчик покраснел, как девушка, и ответил извиняющимся тоном:

— Нет, дядя, я только что приехал. После уроков было собрание, выехал из города поздно...

— Хорошо, а чем ты был занят дома, что ко мне не пришёл?

— Ничем,—отвечал парень виновато,—на утро патроны заготавливал.

— Вот, вот. Я так и знал. Наверно, почуял норд?

Парень застенчиво улыбнулся. Байрам-ами указал на нас и сказал:

— Они приехали на охоту. Поведёшь их на хорошее место. Он помолчал немного и добавил:

— Туда, где много ракушек.

Юноша окинул нас странным взглядом. Мне показалось, что в его взгляде промелькнуло недовольство. Наверно, он подумал про себя: «Откуда взялись эти бездельники? Наверное, сами не охотники, только напугают птиц, мне мешать станут, или посидят полчаса, побродят туда-сюда и вернутся домой. И я должен буду вернуться с ними». Он искоса посмотрел на галстук, на очки моего товарища и на его фетровую шляпу, висевшую на стене, и коротко ответил:

— Пожалуйста.

Чтобы рассеять все свои сомнения и к тому же проверить этого юношу, я спросил:

— Как ты думаешь, друг, найдём мы что-нибудь завтра при такой погоде, или нет?

С той минуты, как мальчик вошёл, он стоял навтыжку и отвечал так, словно перед ним был командир.

— Конечно, найдём! Утром должен быть норд,—ответил он уверенно.

— Откуда ты знаешь?—спросил Байрам-ами,—ты что у моря это подслушал?

Парень усмехнулся, не меняя положения.

— Нет,—сказал он,—в школе посмотрел на барометр; и потом, когда я ехал, кроншнеп свистнул.

Байрам-ами упрекнул его:

— Что ты стоишь, словно присох. Иди, садись, ешь виноград.

Спасибо,—сказал он, поглядывая на дверь, как человек, спешащий по делу,—разрешите, я уйду, надо патроны приготовить.

— Твоё ружьё какого калибра?

— Шестнадцатого.

— И моё шестнадцатого. Садись, не беспокойся, у меня патронов много, дам тебе, стреляй, сколько хочешь.

— Большое спасибо, но я не стреляю чужими.

Хотя в этом ответе и чувствовалось не совсем почтительное отношение, но мне он понравился. Хороший, разборчивый охотник никогда не стреляет готовыми, или приготовленными кем-то патронами. Он сам готовит их по своему ружью. Но, возможно, парень не хотел стрелять нашими патронами из скромности или застенчивости. Мне захотелось проверить его.

— Почему же, молодец? У нас пыжи хорошие, есть и купленные в магазине, есть и приготовленные нами.

Не желая возражать старшим, но вместе с тем не думая, видимо, отказываться от своего правила, он сказал тоном человека скромного, но уверенного в себе:

— Спасибо... Но как каждому человеку нужна пища по его вкусу, так и ружью тоже. Я не стреляю никакими патронами, кроме тех, которые сам приготовил.

— Вот, с этим я согласен,—не смог я удержаться от похвалы. Теперь я вижу, что ты настоящий охотник.

Я взглянул на своего товарища: юноша очень просто и ясно сказал то, что я никак не мог втолковать тому.

Он всегда употреблял готовые патроны и из-за этого постоянно был недоволен своим ружьём. Вместо того, чтобы обвинять самого себя, он сваливал вину на своё ружьё. Поэтому ответ парня мне вдвойне понравился: прежде всего, он показывал,

что, несмотря на свою молодость, юноша понимал в охоте, что было очень важно для нас, а, с другой стороны, его ответ лишний раз подтвердил то, что я часто повторял моему товарищу.

Попросив разрешения уйти, парень спросил нас, желая очевидно узнать, приехали ли мы действительно на охоту или просто прогуляться:

— Утром рано встанете? Если хотите удачной охоты, надо быть на месте до восхода солнца.

Мой товарищ беспокойно посмотрел на меня. Одним из его недостатков было как раз то, что он не любил рано просыпаться. В городе он вставал не раньше одиннадцати—двенадцати часов, и отказываться от этой привычки для охоты не хотел. Он боялся ранней стужи и вечерней прохлады, и у него всегда имелись наготове разные лекарства. Его нелюбовь к водоплавающей дичи и морской охоте объяснялись этим. Охотясь же на турачей и фазанов, он выходил поздно, ссылаясь на то, что эти птицы выходят на открытое место только после того, как пригреет солнышко.

Заметив сейчас его беспокойный взгляд, я понял его мысли и, отвечая юному охотнику, косвенно обратился к нему:

— Конечно, на уток охотятся только на заре да вечером, когда стемнеет.

— Правильно!—обрадовался он. На рассвете я разбудю вас... Спокойной ночи, приятных снов!..

Когда юноша ушёл, я сказал Байрам-ами:

— Откровенно говоря, когда этот мальчик вошёл сюда—я усомнился в нём. Мне показалось, что он очень молод и помощи нам не окажет. Но из его слов я понял, что он парень надёжный. А как он охотится?

Байрам-ами ответил с нескрываемой гордостью:

— Друг мой, ты ведь знаешь, что и отцы и деды наши были охотниками. Конечно, охота—не профессия наша, но мы её любим. И потом, я так думаю, что всякий зрелый мужчина должен быть охотником. Отцы говорили—настоящий мужчина должен уметь скакать, стрелять и плавать. А на охоте всё это нужно. Человек попадает во всякое положение, борется, крепнет и

телом и душой. Наши дети все хорошие охотники и этот мой племянник тоже такой... Он любит охоту с самого раннего детства. Три-четыре года тому назад он совершил геройский поступок и прославился на весь район, его прозвали Грозой волков.

— Что это за случай, Байрам-ами, расскажи, пожалуйста!

— Нет, если начну рассказывать, затянется надолго, а вам надо рано вставать. Вижу, у вашего товарища глаза уже слипаются, идите спать, вернётесь с охоты—расскажу.

Когда мы выходили из дому, на небе ещё сверкали звёзды. А какой чудесный запах ранним утром, приятный холодок и свежесть! По пению петухов да по чириканию невидимых глазу птичек, без всяких часов чувствовалось приближение рассвета.

Мы шли по тихой и безлюдной деревне, по улице, обсаженной с обеих сторон деревцами чуть выше человеческого роста. С моря веял то тёплый, то прохладный ветерок, и в этой тишине шум морских волн доносился через одинаковые промежутки, словно поднималась буря. Это одна из особенностей норда. До того, как подымет ветер, в такие тихие ночи на море возникает шум, который обычно возвещает приближение бури. Этот странный шум, доносящийся с моря, слышался сейчас очень отчётливо; то тёплое, то прохладное дуновение было так ощутимо, что казалось—до моря всего несколько шагов. Но мы прошли примерно полкилометра и только тогда, сквозь густой туман, увидели его мрачный стальной блеск. Мы стояли на холме, тянувшемся вдоль берега. Он спускался полого к самой воде, соединяясь с линией прибоя.

Когда до берега осталось четыре-пять шагов, ноги наши стали погружаться по щиколотку в ракушки, текущие как вода, и шумящие как солома.

Их здесь было так много, как будто колоссальные арбы годами возили их сюда и сваливали в одну кучу.

Здесь были ракушки величиною от ногтя мизинца до кулака, продолговатые, круглые, желтоватые, розовые, иссиня-чёр-

ные, блестящие внутри как перламутр, белые как кость, с крапинками, одни тонкие и нежные, как шкурка лука, другие толстые и крепкие, как фарфор, их называют «рыбье ухо», но к рыбе они никакого отношения не имеют, являясь панцирем мельчайших морских животных. Они бывают полуоткрытыми, как фисташка, и если поискать среди тех, которых недавно море выбросило на берег, то можно найти в них живые тельца.

Ракушки приятно шуршали под ногами. Мы дошли до самого берега и остановились в изумлении.

За полкилометра от моря мы слышали сильный шум, а сейчас, вместо ожидаемого бурного моря с громадными валами, увидели тихую, спокойную поверхность, покрытую мелкими волнами, лижущими песок и ракушки. Шум, который мы слышали, исчез. Теперь был слышен только лёгкий шумок, производимый волнами, играющими с ракушками.

Молодой охотник, видимо, привыкший к подобным впечатлениям, не терял времени на наблюдения и любованье, а был занят приготовлениями. Он снял ружьё и сумку, положил сумку поодаль, в нескольких шагах, зарядил ружьё и, несмотря на то, что в темноте ещё ничего не было видно, вытянулся, поглядел по сторонам, потом положил ружьё на сумку, встал на колени и сгрёб локтями небольшой холмик из ракушек.

— Что ты делаешь?—спросил я его.

— Готовлю засаду,—ответил он,—нельзя показываться птице, а то ни одна из них не приблизится сюда.

Я тоже положил ружьё на сумку и пошёл помогать ему.

— Вы не беспокойтесь,—заметил он,—это не трудно, я сейчас сделаю.

— Что за беспокойство?—ответил я, и стал сгребать ракушки,—кому хочется рыбы, тот должен лезть в воду!

Я сказал это нарочно громко, чтобы и мой товарищ, стоявший рядом с папироской в зубах, тоже принялся за работу. Но вместо того, чтобы помогать, он бросил:

— Э, на что вам засада? Может и птицы-то вовсе не будет! Никакого норда нет, не утомляйте себя попусту...

В ту же минуту юноша неожиданно шопотом приказал нам, словно командир:

— Ложитесь, ложитесь, птица идёт!

Я пригнулся в засаде, приятель мой присел, где стоял, а молодой охотник с быстротою кошки схватил ружьё и присел ко мне.

Я посмотрел в ту сторону, куда смотрел он, но ничего не увидел.

— Приготовьтесь, летят,—сказал он немного спустя.

— У меня ружьё не заряжено!—Едва я успел это промолвить, как он прицелился и только теперь я заметил над собою едва видимую, как тень, ломаную линию.

Мальчик выстрелил два раза подряд, тень исчезла, а в воде послышались всплески.

— Начало неплохое,—сказал он довольно.—Три уже есть!

Я был поражен остротой его зрения, быстротой и меткостью стрельбы. Увидеть птицу на дальнем расстоянии в такой тьме, попасть в неё, да ещё разобраться, сколько штук сбито,—для этого нужно обладать не только острым зрением, но и особым умением, расторопностью и ловкостью. Невольно я представил его на границе, или снайпером на фронте. При таком мастерстве, выработанном на охоте, от него не улизнул бы ни один противник.

Мой спутник, увидев, что его мрачные пророчества не сбылись, поднялся с места и подошёл к нам. Сняв очки, он стал вытирать их платком и сказал:

— На холоде стекла запотели, я ничего не видал. Во что вы стреляли?

— Это была небольшая стайка уток-чирков,—ответил юноша.

— Зря стреляли,—сказал мой приятель,—разве можно сбить птицу в такую темень?

— Три утки сбито,—сказал юноша.

— Ну да!—откликнулся мой приятель с удивлением, которое прозвучало скорее как насмешка.

Юноша, не говоря ни слова, поднялся, положил ружьё и пошёл к морю. До нас ясно донёсся шум ракушек, ссыпавшихся в воду.

Вскоре он вернулся, размахивая в воздухе тремя утками, и, протягивая их моему спутнику, многозначительно заметил:

— Пожалуйста!

— Да... и вправду попал,—не нашёлся тот что сказать.—А почему они такие мелкие? Совсем ещё птенчики!..

— Нет,—пояснил юноша,—это не птенцы, у них порода такая, их называют чирками, это самая мелкая и самая вкусная утка.

Потом мы вместе подготовили засаду. Юноша осмотрел её снаружи, принёс сумку и ружьё и сказал:

— Теперь птица не увидит нас, пока не долетит до мушки... Пожалуйста, садитесь.

Я тоже принёс ружьё и сумку. Пришёл и мой товарищ, пощупав, перед тем как сесть, не влажна ли земля.

— Не бойся,—сказал я,—не сыро, это лишь сверху влага от моря, а внизу сухо.

Мы сели, устроившись поудобнее в засаде. По словам юноши птица должна была лететь слева, с запада. Он усадил нас слева, а сам устроился справа так, чтобы самому стрелять последним. Дать возможность стрелять первым—среди охотников считается большой поблажкой.

Я стал всматриваться в горизонт. Редко кому удаётся наблюдать, как начинается утро, как ночь покоряется дню. По восточному преданию, тот, кто увидит, как раскрывается бутон розы, достигнет желаемого. Но возможно ли это? Можно ли, например, уловить мгновение между сном и бодрствованием? Все видели, как плачущий ребёнок вдруг улыбнётся, но мог ли кто-нибудь заметить выражение на лице ребёнка в тот миг, когда он переходит от слёз к смеху? И мгновение, когда ночь переходит в день,—один из подобных неуловимых моментов.

Начинало светать. Если минуту тому назад всё было скрыто за серой завесой, то теперь всё стало с неуловимой быстротой выделяться всё более отчётливо.

Там, где всходило солнце, горизонт светлел, переливаясь нежными жёлто-зелёными и розовыми красками.

Мелкие облака удивительных очертаний, затерянные в сероватой мгле, багровели на востоке зоревым золотом.

Казалось, на горизонте, который каждую минуту менял свои краски, загорался громадный величественный костёр.

Через мгновение там, где должно было взойти солнце, над серебристым краем моря на горизонте, голубоватое небо окрасилось в мягкий красный цвет...

В ту же минуту повеяло тёплым солоноватым дуновением, хорошо знакомым тем, кто живёт на берегу моря; потом подул прохладный ветерок, и как то неуловимое мгновение, когда ночь сменяется днём, этот ветер тоже всё изменил. На зеркальной поверхности моря возникла мелкая зыбь, его спокойное перешоптывание с перекатывающимися ракушками сменилось шумом, звенящим, как смех расшалившегося ребенка; тёплый воздух похолодел.

Откуда-то появились и поплыли сначала мелкие, а затем всё увеличивающиеся, низкие розовые облака.

Вдруг юноша воскликнул с радостным возбуждением:

— Идёт!

Я и мой товарищ невольно схватились за ружья и посмотрели в ту сторону, откуда ожидали птицу.

— Нет,—засмеялся молодой охотник,—не птица, а ветер! Сейчас и птица пойдёт!

И, правда, вскоре со стороны горизонта, уходившего вдаль, насколько охватывал глаз показались бесчисленные стаи крупных и мелких разноцветных птиц; их крик и хлопанье крыльев смешались с шумом моря и ветра, всё более крепнущего.

Птицы, которых местные жители называют «джыг-джыг»*, летели по две и по три; они были величиною с голубя, только клювы и крылья у них были длинные, хвосты раздвоенные, как у ласточки, крылья и брюшко белые, спинка голубоватая, головка чёрная, клюв и ноги красные; они летели с криком, похожим на

* Вид чаек.

детский; то взмывали к самым облакам, то камнем бросались в море, разбрызгивая воду, поднимаясь снова в воздух и держа в клюве бьющуюся серебристую рыбку, которую они проглатывали, продолжая свой путь.

Летели другие птицы, и молодой охотник ещё издали узнавал их своим опытным острым взглядом: кроншнеп, селезень, шилохвост...

Можно даже не охотиться, и не сбить ни одной из них, но любоваться их неопишимо красивым перелётом—и то уже большое удовольствие.

Вдруг молодой охотник возбуждённо воскликнул:

— Стая!—и указал на небо.—Наклонитесь и не двигайтесь, они летят на нас!

Мы спрятались в засаду и посмотрели в указанном направлении, но увидеть ничего не могли. Мой товарищ ещё раз протёр свои очки. Только немного погодя, взглядевшись в горизонт, куда были устремлены глаза юноши, я увидел, ещё очень далеко, линию, вытянутую ниточкой и словно колеблемую ветром.

Через несколько минут эта ниточка приблизилась, стала толще, начали различаться точки, словно бусы чёток; ещё через минуту мы убедились, что это была утиная стая. Я и мой товарищ невольно потянулись за ружьями. Юноша остановил нас:

— Не спешите, подпустите их совсем близко.

Птицы приближались, меня охватывало странное волнение, по телу проходила дрожь. Наконец, наступила решающая минута, птицы долетели до засады, три ружья одновременно нацелились, и каждый выстрелил по два раза. Не успели раздаться выстрелы, как аккуратная полоска стаи дрогнула, и птицы прижались друг к другу, словно ища убежища, юноша выстрелил после всех и, поднявшись, сообщил нам, что восемь птиц упало в море и три—на берег.

При такой совместной стрельбе хоть один из охотников обязательно попадёт и залп не пропадёт даром. Но каждый охотник, хоть и не показывает этого, но про себя думает, что попал именно он. Мой товарищ даже не стал скрывать своих мыслей, он с достоинством кашлянул и сказал с гордостью:

— Ну как, увидел ружьё?

Я уже привык к тому, что он всегда относил за свой счёт выстрелы нескольких охотников, и поэтому только улыбнулся, возразив ему, чтобы его слова не обидели молодого охотника:

— В этом можно быть уверенным только, если стреляешь один.

Улыбнувшись моим словам, молодой охотник вышел из засады. Он принёс дичь, выброшенную на берег волной, и пошёл за остальными утками. По дороге он то и дело поглядывал на засаду и туда, откуда ожидалась птица. Отойдя около пятидесяти шагов от засады, он махнул нам рукой, а сам лёг на землю. Мы посмотрели туда.

Стая ещё больше и ещё гуще, чем прежняя, низко летела прямо на нас, почти задевая крыльями песок. Она пролетела над нами с такой стремительностью, что мы даже не успели прицелиться, но всё же выстрелили по два раза. Однако не упало ни пёрышка. Птицы взмыли вверх и полетели к морю. Мы с товарищем, не говоря ни слова, смотрели друг на друга.

Когда прошла первая неловкость, я сказал:

— Здорово мы опозорились перед этим мальчиком! Между нами говоря, кажется и тех уток он сам подстрелил, а мы отнесли это за свой счёт.

Мой товарищ был явно расстроен. Он закурил папиросу и, ни слова не говоря, стал мять её в зубах.

Вскоре вернулся и юноша с остальными тремя утками. Вопреки нашему ожиданию, он ничего не сказал о происшедшем. Но было бы лучше, если бы он посмеялся над нами, чем так равнодушно молчал.

Видимо, он хотел что-то сказать, но боялся обидеть нас, взрослых людей, годившихся ему в отцы. Желая нарушить это тягостное молчание, я спросил шутливо:

— Видел, как мы хорошо стреляли?

Он улыбнулся приятной улыбкой, красившей его лицо:

— Что ж, бывает... Вы поторопились. Птицу, летящую так близко, надо или встретить выстрелами, или пропустить вперёд.

После этого случая мы с товарищем последовали совету юноши и сбили по семь-восемь штук разной дичи.

Было уже за полдень. Ветер переменял направление и дул с запада, в спину летящим птицам, увеличивая скорость их полёта. Кроме того, облака рассеялись, погода переменялась, и птиц пролетало уже меньше, причём летели они вдали.

Молодой охотник сказал, что перелёт увеличится к вечеру и предложил нам вернуться домой, поесть, отдохнуть и выйти на охоту ещё раз под вечер.

Мы хотели к вечеру вернуться в город. Мой товарищ, так же как и охоту, а может быть даже больше (этого он не мог бы определить и сам), любил футбол, будучи ярим болельщиком. Сегодня он торопился в город на матч. Поэтому мы решили поохотиться еще немного и уехать совсем.

Как я уже говорил, птиц больше не было. Обычно в такие минуты охотники либо начинают рассказывать разные случаи, происшедшие с ними, либо хвастаться своими ружьями. Правда, об этих беседах идёт недобрая слава,—как об «охотничьих враках». Всем известны, например, измышления «барона Мюнхаузена» или «охотника Пирима». Но это клевета на настоящих охотников.

Мы говорили о ружьях. Как и у каждого человека, у моего товарища были свои слабости. Он, например, покупал, платя втридорога, штучные ружья, сделанные известными мастерами, и любил хвастаться ими. Известно, что подобная же слабость свойственна и завзятым модницам. Они закажут платье или туфли, цена которых намного превышает обычную, и хвастаются потом своими обновками. А на самом деле готовые платья и обувь, купленные в магазине или сшитые в обычных ателье, бывают часто и прочнее и красивее.

Воспользовавшись нашим молчанием, мой спутник достал масляную тряпочку из специальной коробочки и, вытирая своё ружьё, сказал:

— Ты из зависти даже не взглянешь на моё ружьё. Посмотри, какая прелесть!

Я разрядил его ружьё и начал рассматривать. Это и

впрямь была красивая вещь, сделанная известным английским мастером пятьдесят-шестьдесят лет назад. Многие его части были позолочены, сверху были выгравированы красивые надписи, на стволе золотом была выведена цифра «2», механизм и половина ствола были покрыты мелкими узорными изображениями зверей и птиц. Ружьё автоматически выкидывало гильзы после стрельбы. Но вместе с тем ничего особенного в нем не было. Заграничные мастера и фирмы обращают больше внимания на внешнюю отделку ружей, зная, что многие охотники ценят прежде всего внешнюю красоту.

Товарищ мой обиделся, что я не восхитился и не удивился, осмотрев его ружьё, и начал, по обыкновению, расхваливать его.

— В мире всего два таких ружья, — он указал на цифру «2». — Вот видишь, это второе. Обрати внимание, нет даже места для ремня. Это ружьё Чемберлена. Геринг посылал специальных людей в Англию и сумел заполучить его себе. После поражения Германии оно перешло в руки одного американского генерала, а он...

Зная, что он будет говорить без конца, я, улыбаясь, прервал его:

— Хорошо, откуда же ты знаешь всё это?

Разозлившись, он разобрал ружьё и показал надпись по-английски: «По особому заказу».

— Человек, продавший мне ружьё, рассказал всё это, — сказал он.

Я улыбнулся его доверчивости.

— Но какое же всё это имеет отношение к качествам? Что ты думаешь о прогрессе техники за эти пятьдесят-шестьдесят лет? Сейчас любое наше ружьё стреляет лучше этого.

— Э, что ты говоришь! — сказал раздосадованный товарищ и, видимо, собирался добавить что-нибудь резкое, как вдруг раздался свист кроншнепа. В ту же минуту подобный же свист раздался у самых наших ушей. Я обернулся. Это свистел молодой охотник. Посмотрев в ту сторону, куда глядел и он, я в трехстах метрах, над морем, увидел на большой высоте сероватую тень.

Трудно было поверить, что птица, летящая так высоко, вер-

нётся, услышав свист. Но после того, как юноша свистнул ещё несколько раз, кроншнеп резко изменил направление, сделал большой круг, со свистом опустился и летел метрах в пятидесяти над нами.

Юноша сказал моему товарищу:

— Не упустите, птица на хорошем прицеле.

И правда, птица плавно кружила над нами, описывая небольшие круги. Чтобы попасть в неё, не нужно было ни особого умения, ни особенного ружья.

Мой товарищ поднял своё хвалёное разукрашенное ружьё и выстрелил. Птица испуганно метнулась в сторону. Он выстрелил ещё раз, и от кроншнепа отделилось два-три перышка. Вслед за тем птица резко взмыла вверх и полетела к морю.

Юноша свистнул ещё раз; птица опять вернулась, кружа над нами. Но на этот раз она была уже осторожнее и кружилась метрах в семидесяти.

— Стреляйте вы, — попросил меня юноша.

— Нет, — ответил я, — туда ружьё не достанет.

Юноша молча поднял ружьё, выстрелил, и птица камнем упала в засаду. Это был кроншнеп величиной с курицу, с длинным кривым клювом.

Я взял ружьё юноши, чтобы посмотреть. Это было самое простое, немного грубоватое, ружьё Тульского завода, послевоенного выпуска.

Последний его выстрел был отличным разрешением незаконченного спора, затеянного любителем заграничных ружей, и доказал добротность наших отечественных.

Не продолжая поэтому больше спора, я залюбовался чистотой, в которой содержал своё ружьё юноша, и спросил:

— Давно ли ты купил его?

Он ответил тихо, словно был чем-то смущён:

— Нет, прошлой весной колхозное правление подарило мне его.

— А за что? — поинтересовался я. — Ты же учишься в городе. Наверно, в летние каникулы хорошо поработал в колхозе, не так ли?

Он снова ответил, как человек, который не любит говорить о себе:

— Нет, было другое дело...—И, желая переменить тему, сказал:—Время итти. Уже до самого вечера птицы больше не будет.

**

Мы вернулись в деревню. По дороге я с большим трудом выпытал у юноши, за что он получил ружьё. Он рассказал очень интересную историю, но нехотя, скупыми, короткими фразами. Расставшись с ним, я попросил Байрам-ами, и он, как обещал, подробно рассказал мне всё.

История эта такова. Настоящее имя молодого охотника Яшар. Но все его стали звать Грозой волков. Вначале он был не особенно доволен этим, но потом настолько привык к своему прозвищу, что когда в городе товарищи по училищу называли его настоящим именем, ему казалось это странным.

Прежде у нас, и в городах и в деревнях, почти у каждого было своё прозвище. Они давались людям по их характеру, профессии, а иногда и по внешнему виду. Среди этих прозвищ были и хорошие, и плохие... Яшару было всего двенадцать лет, когда он заслужил себе почётное прозвище.

Родители всегда стараются дать своим детям хорошие имена. Но настоящее имя—это то, которое человек заслуживает за свои подлинные качества и дела.

Какие же дела совершил Яшар, за что он получил это прозвище?

Четыре года тому назад шёл последний год войны. Все, способные держать в руках оружие или работать, ушли либо на фронт, либо на нефтяные промысла. Большинство работающих в колхозе составляли старики, женщины и молодёжь, не достигшая призывного возраста. Школьники тоже после уроков помогали колхозникам. А работы было много: хлеб, огороды, сады... Трудно было поспеть всюду. Многие виноградные и инжирные сады заросли сорняками.

Такие вредители хозяйства, как волки, лисицы, шакалы, ко-

торые давно уже вывелись на Апшероне, откуда-то появились вновь и стали хозяйничать в этих местах. В одной из деревень колхозники застрелили даже тигра, неизвестно откуда забредшего сюда.

В эти годы и в деревне П. завелось несколько волков. Через каждые три-четыре дня, а то и каждую ночь из колхозных стад и со дворов колхозников исчезали овцы и козы.

В деревне ежедневно шли об этом разговоры, и охотники, приезжавшие из города, караулили по ночам, но тщетно. Видимо, волк, повадившийся ходить в деревню, был матерым.

Волка видели только один раз. Однажды из соседней деревни шла женщина с восьмилетней девочкой. Они проходили через сады на краю деревни. Вдруг на них напал волк. Он искусал девочку, но убежал, увидев колхозников, подоспевших на крик женщины.

Эта девочка жила по соседству с Яшаром. Её отец был на фронте, как и отец Яшара. Каждый день девочка приходила к Яшару или Яшар бывал у неё, помогая ей готовить уроки. У него не было сестры, а у девочки—брата, и они полюбили друг друга, как брат и сестра.

После этого случая деревня взволновалась. Члены местного батальона обороны, старые охотники и комсомольцы пошли искать волка. Яшар тоже хотел пойти с ними, но его не взяли, как маленького—ему было всего двенадцать лет. Найти волка тогда не смогли.

Яшар думал про себя: «Мой дядя и отец были хорошими охотниками. Отец всегда брал меня на охоту. Я видел часто, как он стрелял лисиц и зайцев. Сколько раз он давал стрелять мне, и я подбивал птиц. Что же с того, что я маленький? Я же умею стрелять... Ладно, пусть не берут, я сам пойду».

И с тех пор убить волка стало заветной мечтой Яшара. Но как это сделать? Никто не дал бы ему ружья. И вдруг Яшар вспомнил, что в сеннике лежит старое ружьё, оставшееся ещё от деда. Отец Яшара иногда брал его зимою и ходил на берег моря стрелять птиц.

Яшар узнал из разговоров отца, что это ружьё «нашли в море» и стреляет оно очень далеко. Любопытный мальчик захотел узнать, что значат слова: «найденное в море». Он слышал в сказках, что бывают силачи и кони, вышедшие из моря. Но он никогда не слышал, чтобы в море находили ружья. Он спросил об этом у отца, и тот ответил, смеясь:

— Это не сказка, а быль. Много десятков лет тому назад, когда русские пришли на помощь Баку, один из их кораблей потонул в бурю вблизи Нардарана. Прошло много времени, опытные пловцы нашли потонувший корабль и подняли со дна моря оставшиеся там ружья. Поэтому их называют «найденными в море».

И вот, вспомнив теперь об этом ружье, Яшар потихоньку пошёл в сенник. Ружьё, обернутое в масляную тряпку, стояло в углу. Он осторожно развернул тряпку.

Это было старинное ружьё. Нужно было проверить, заряжено оно или нет. Он засунул шомпол во внутрь и сделал мерку с уровнем дула. Потом, приложил шомпол снаружи и убедился, что оно заряжено. Подняв курок, он увидел пистон. Яшар очень обрадовался и, поставив ружьё на место, вышел.

Вместе с несколькими товарищами он пошёл в то место, где волк напал на женщину с ребёнком. Он заметил это место. В двенадцати шагах от него был стог колючек, а дальше шли заросли граната и инжира. Волк вышел из них.

О своем решении пойти ночью в сады и убить волка Яшар хотел сказать своим товарищам, но потом раздумал: взрослые могли узнать об этом и никого не пустить. Он решил пойти один.

Вечером Яшар, чтобы не возбудить подозрений матери, по обыкновению положил перед собою книги и тетради, выучил уроки и, решив хорошенько обдумать свой поход, лёг в постель раньше обычного и притворился спящим.

Но он не спал. Он думал: а что если вдруг волк не придёт? Тогда он пойдёт и завтра, и послезавтра... Если мать увидит, что его нет в постели, тогда всё пропало, его найдут и больше не пустят...

Нет, надо во что бы то ни стало убить волка сегодня.

— А как это сделать?

Тут вдруг он вспомнил одно происшествие.

Когда ещё отец его был здесь, в их курятник повадилась лиса. Но курятник был в таком неудобном месте, что лисицу невозможно было застрелить. Тогда отец устроился в засаде, чтобы застрелить лису. Яшар тоже был с ним. Отец закрыл курятник и немного поодаль привязал курицу за ногу. Среди ночи подкралась лисица и увидела курицу. Она уже хотела наброситься на нее, но отец выстрелил и убил лисицу.

Вспомнив это, Яшар решил устроить волку такую же засаду и, обдумав всё, задремал.

Ночью Яшар несколько раз поднимался, чтобы уйти, но видя, что мать ещё не заснула, опять ложился. Наконец, на заре, он услышал пение петухов и поднялся. Тихо одевшись, он вышел во двор.

Был последний месяц осени. Дул сильный норд. Густые облака заволакивали луну. Время от времени моросил мелкий дождик, холод пронизывал до мозга костей.

Не успел Яшар выйти во двор, как дрожь проняла его. Отчего это было—от холода или от волнения и страха? Он был в нерешительности. Захотелось вернуться и лечь спать, а завтра пойти с товарищами. Но возвращаться было стыдно.

Шла война. Он вспомнил, что пионеры и школьники, такие же как он, на земле, захваченной немцами, борются с фашистами. Он слышал об этом в беседах, читал в газетах. Они борются с вооружёнными до зубов немцами, бросают бомбы в их штабы, взрывают мосты... Неужели он, Яшар, не справится с волком? Он думал об этом, и у него прибывали силы. Он чувствовал в себе эту силу. Его словно вдохновляли молодые герои, имена которых он знал наизусть.

Он пошёл в сенник и взял ружьё. Оно было большое и тяжёлое. Но Яшар чувствовал себя сильным. Он повесил ружьё через плечо и тихо вышел из конюшни. Собака заворчала было, но Яшар позвал её—и она успокоилась, помахивая хвостом.

Яшар поймал годовалого козлёнка, тот упёрся ногами и не хотел итти. Когда Яшар потянул его к себе, козлёнок жалобно

заблеял. Испугавшись, что мать проснётся, он отпустил ремень, взял пучок свежей травы и поднёс его к мордочке козлёнка. Потом он спокойно вышел из конюшни и козлёнок весело побежал за ним, пощипывая травку.

Заперев двери конюшни, Яшар отправился на место, отмеченное ещё днём. Из-за войны улицы деревни были тёмные, кругом стояла тишина. Слышался лишь ветер, шелестящий сухими листьями деревьев и играющий в проводах.

Яшар боялся только одного. Если бы его встретил кто-нибудь из местного отряда обороны—все пропало бы.

Он уже вышел из деревни и шёл вдоль огородов. Овощи давно уже были убраны, и здесь никого не могло быть. Отсюда начиналось место под названием Нарлыг, дальше виднелись деревья садов. Пройдя аллею, засаженную с двух сторон гранатовыми деревьями, Яшар достиг бы цели.

Вдруг он услышал шорох. Луна спряталась за облаками и в пяти шагах ничего не было видно. Но Яшар заметил впереди что-то, похожее на огонёк папиросы. Он спрятался под гранатовым деревом и присел под густым кустом, зажав мордочку козлёнка.

Один из шедших людей сказал другому:

— Ай, Таптыг, постой! Ты слышишь? Шорох какой-то, что ли?

Оба они остановились и прислушались. Потом второй ответил:

— Э, это от страха тебе померещилось, ничего здесь нет. Пойдём!

Яшар узнал голос. Это был голос его дяди Байрам-ами. Если бы он увидел Яшара здесь, он наверняка рассердился бы, а, может быть, даже и поколотил бы его слегка. Посидев с минуту молча и без движения, он убедился, что сторожа отошли далеко, он поднялся и подошёл к намеченному стогу.

В восьми-девяти шагах от этого места находился засохший корень виноградной лозы. Он привязал к нему козлёнка, а сам спрятался за стог. Козлёнок дернулся несколько раз, упал на

землю, поднялся и поблеял немного. А потом, успокоившись, стал щипать листья, не переставая блеять время от времени.

Яшару только этого и надо было. Волк услышит и придёт сюда, а Яшар застрелит его.

Посидев немного, Яшар стал готовиться к стрельбе, прицелившись в козлёнка. Но ружьё было очень тяжёлым, он еле-еле доставал до курка. Оно качалось в его руке. Чувствуя, что не сможет выстрелить, он посмотрел вокруг. Но поблизости не было даже палочки, чтобы закрепить ружьё. Потом он вспомнил, что стог, под которым он сидит, обложен камнями, чтобы ветер не разнёс колючек. Он с большим трудом вытянул несколько камней, соорудил нечто вроде опоры и прицелился. Теперь ружьё было хорошо прилажено. Он взвёл курок и ожидал волка.

Вначале от волнения и напряжения он не чувствовал ни ветра, ни холодного дождя. Но когда прошло уже часа два, холод начал пронизывать его насквозь, зубы застучали и всё тело задрожало. Если бы он мог походить немного, то согрелся бы, но нельзя же было спугнуть волка. Яшар очень устал сидеть неподвижно. Тело его всё больше замерзало и ныло. Но он вспомнил защитников родины, мёрзнувших в снегах на морозном ветру, и ему становилось словно теплее, прибывали силы.

Вдруг он услышал, как козлёнок, испуганно заблеяв, бросился в сторону. Прямо перед ним блеснули два сверкающих, как фонарики, глаза. В ту же секунду Яшар прицелился и выстрелил. Из дула ружья с невообразимым грохотом вырвалось пламя. Оттого, что из него долго не стреляли, порох в нём затвердел и ружьё так сильно толкнуло Яшара, что тот упал на спину. Но ружья из рук он не выпустил.

Он быстро вскочил и в ту же секунду почувствовал, как что-то бросилось ему на спину и повалило на землю. Он почувствовал также, как чьё-то горячее дыхание опалило ему лицо и увидел два ряда белеющих зубов. Это был второй волк, напавший на него сзади. Яшар не растерялся и со всей силой воткнул ствол ружья в открытую пасть зверя. Потом он быстро поднял ружьё и ударил ещё раз. Волк растянулся на земле, но в эту минуту, первый, раненый волк подполз к мальчику и схватил

его за ногу. Сколько не бил его Яшар ружьём, волк не разжимал своей пасти.

Пока он бился с издыхающим зверем, кто-то подбежал и крикнул совсем рядом. Закричали сразу несколько голосов:

— Кто там?

— Не шевелись!

— Кто стрелял?

Вокруг замелькали огоньки карманных фонариков. Это были бойцы местного оборонного батальона и ближней войсковой части, сбегавшиеся на выстрел.

— Это я стрелял,—отозвался обрадованный Яшар.—Я двух волков убил!

Люди подошли ближе и при свете фонариков увидели Яшара с поломанным ружьём в руке. Перед ним лежал труп одного волка, а другой повис на ноге Яшара, вцепившись в неё зубами. Он тоже был мёртв. Его с трудом оторвали от ноги мальника, просунув дуло в пасть.

Среди пришедших был и дядя Яшара—Байрам-ами. Он сначала рассердился на Яшара:

— Что ты делал здесь в такое время?! Что это такое?

Но вскоре он оставил сердитый тон и ласково сказал:

— Спасибо, племянник, спасибо, Гроза волков!

С этого дня это прозвище осталось за ним, он заслужил новое имя: Гроза волков!

На следующий день на заседание правления колхоза позвали и Яшара. Все хвалили и приветствовали его. Правление решило премировать его за истребление вредителей—волков, за помощь, оказанную колхозникам, и проявленную храбрость, и спросили у него, чего он хочет. Он молчал, и на глазах его внезапно блеснули слёзы.

Весёлый, приветливый председатель колхоза, недавно вернувшийся с фронта, увидев, что мальчик готов заплакать, спросил со смехом:

— Что случилось, храбрец? В школе ты отличник, на уроках соловьём разливаешься! Среди ночи в степи убиваешь сразу двух волков! Всю деревню стрельбой поднимаешь на ноги! Что

же ты сейчас замолк? Разве таким должен быть смельчак—ис-
требитель волков?

Яшар хотел улыбнуться, но не мог. Он сказал, едва удержавшись от слёз:

— Да ведь ружьё-то сломалось отцовское!

Все громко рассмеялись. А председатель колхоза сказал со смехом:

— Ах вот в чём дело! Сломалось ружьё, вышедшее из моря! Ай-ай, а я-то думаю, наверно у него от радости язык отнялся. Ну, ничего, завтра же мы починим отцовское ружьё, а тебе подарим ружьё-двустволку.

**

Ружьё, которое мы видели в руках Яшара—Грозы волков,— было то самое, подаренное колхозом ружьё. В прошлую осень, когда Яшару исполнилось шестнадцать лет, ему вместе с паспортом выдали охотничий билет и премировали ружьём.

СОДЕРЖАНИЕ

Сокол	3
Мечта	19
Раненый голубь	24
Гроза волков	51

Перевод Ю. Гранина
Редактор Ю. Фидлер
Художник О. Садыгзаде
Тех. редактор А. Г. Мир-Джафаров
Корректор Я. Василевский

Подписано к печати 20/X 1950 г.
Формат бумаги 70×92¹/₁₆—2,62—6,1 печ. листа.
ФГ 04135. Заказ № 440. Тираж 5000.
Цена 3 руб. 56 коп.

Управление по делам полиграфической промышленности, издательства и книжной торговли при Совете Министров Азербайджанской ССР.
Тип. „Красный Восток“. Баку, ул. Ази Асланова, 80.

Цена 3 руб. 50 коп.

М. РЗАГУЛУЗАДЭ

И С Т Э К

(Рус тилиндэ)

Азәрбайҗан

Ушуг вә Кәңчләр Әдәбийяты Нәшрийяты

Бакы—1950